

В.И. ЛЫСЕНКОВ

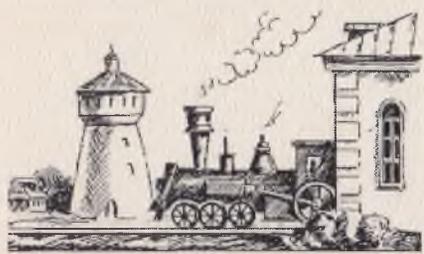


“Адрес мой: ст. Воскресенск...”

В.И. ЛЫСЕНКОВ

**“Адрес мой:  
ст. Воскресенск...”**

Борис Пильняк в Кривякине



*“Адрес мой:  
ст. Воскресенск...”*

Борис Пильняк в Кривякине



Воскресенск  
2005

Л 88 **Лысенков В.И.**  
“Адрес мой: ст. Воскресенск...”. Борис Пильняк в Кривякине. –  
Воскресенск: ВИА, 2005 – 104 с., ил.

Графика: Н.И. Башмаков.  
Фото: С.А. Киселёв, В.М. Ручьёв, О.А. Груздев.

В книге использованы репродукции фотографий из изданий,  
указанных в разделе “Литература”.

Подготовка фотоматериалов к печати: А.В. Захаров.

ISBN 5-98931-003-X

© В.И. Лысенков, 2005 г.



### От автора

**С** именем и творчеством одного из талантливейших русских писателей первой половины XX века Бориса Андреевича Пильняка моё первое знакомство произошло в 1988 году. Тогда в газете “Книжное обозрение” под редакцией Юрия Нагибина печаталась “Антология русского советского рассказа”.

В ней были опубликованы многие, до того не известные нашему поколению прозаики. Вошедший в антологию рассказ Бориса Пильняка “Целая жизнь” был прекрасен сочностью красок, психологизмом и пронзительной грустью правды жизни. Но более всего изумила меня подпись: “Кривякино, июль 1915”... Естественно, сразу возник интерес не только к творчеству писателя, к его биографии, но и к истории появления рассказа: ведь Кривякино – часть моего родного Воскресенска.

Информация о писателе, поначалу очень скудная, потихоньку стала собираться в моём домашнем архиве. На следующий год в районной газете прошла читательская дискуссия на болезненную в то время тему о наименованиях и переименованиях улиц города. Приняв в ней участие я предложил землякам среди немногих имён, достойных для увековечения в нашем городе, имя Бориса Пильняка. Не знаю, обратил ли кто внимание на это предложение, но явного интереса к имени писателя я тогда не заметил. И не удивительно: как оказалось, это было вообще первое упоминание о Б. Пильняке в районной прессе.

В дальнейшем, занимаясь подготовкой краеведческих материалов для центральных и региональных средств массовой информации, участвуя в выпуске книг и других изданий о Воскресенском районе, я всегда считал своим долгом упомянуть как редкую для нашего города знаменитость и Бориса Пильняка.

Постепенно из различных источников и публикаций накопился изрядный материал. Часть его с 2003 года публиковалась мною в Воскресенской районной газете “Наше слово” и в литературном альманахе “Воскресенск – моя родина светлая...”, а теперь лёг и в основу представляемой книги.

Читатель не найдёт на её страницах ни особых сенсаций, ни критического разбора произведений писателя. Потому что не это явилось моей целью.

Здесь сделана лишь попытка кратко представить биографию писателя, проследить нити, связывавшие его с воскресенским краем, рассказать о близких ему замечательных людях, которые и сами, так или иначе, связаны с Воскресенском и его ближайшими окрестностями.

В качестве дополнения представлен небольшой очерк об истории благословенного уголка Московии – Воскресенского района.

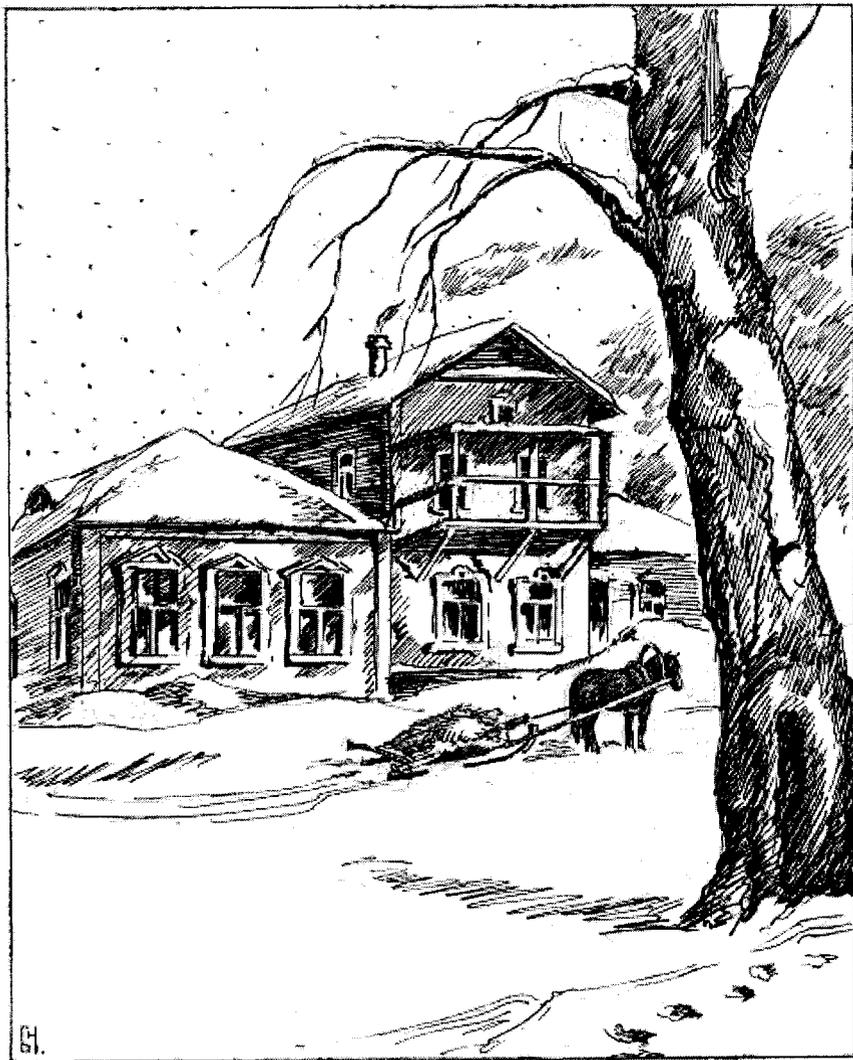
Если моё повествование вызовет у читателя интерес к творчеству талантливого земляка, к его яркому и трагическому жизненному пути, подвигнет кого-то на дальнейшую исследовательскую краеведческую или литературную работу, то можно считать, что я достиг своей цели.

Хочу выразить сердечную благодарность за дружеское участие в подготовке книги к изданию Леониду Анфиногеновичу Дудину, Николаю Ивановичу Башмакову, Людмиле Николаевне Булычёвой, Анатолию Викторовичу Захарову, Татьяне Анатольевне Барышевой, а также Владимиру Алексеевичу Киянову, Людмиле Иосифовне Башкировой, Николаю Ивановичу Макарову, Ивану Владимировичу Баранову.



*В России мы изнашиваемся  
быстрее, чем паровозы, хотя,  
казалось бы, мы к России больше  
приспособлены, чем сталь.*

**Бор. Пильняк**



---

## Борис Пильняк в Кривякине

---





Борис Андреевич Пильняк

### Другу – Пильняку

*Иль я не знаю, что, в потёмки тычась,  
Вовек не вышла б к свету темнота,  
И я – урод, и счастье сотен тысяч  
Не ближе мне пустого счастья ста?*

*И разве я не мерюсь пятилеткой,  
Не падаю, не поднимаюсь с ней?  
Но как мне быть с моей грудною клеткой  
И с тем, что всякой косности косней?*

*Напрасно в дни великого совета,  
Где высшей страсти отданы места,  
Оставлена вакансия поэта:  
Она опасна, если не пуста.*

Борис Пастернак

1931

### “Изумительно талантливый писатель”

Борис Андреевич Пильняк (Boгау) занимает особое место в истории русской литературы 20-30-х годов XX века.

Его жизнь была бурной, богатой впечатлениями, но недолгой. Столь же бурным и богатым читательским ажиотажем, скандальными разносами, успехами и неудачами было и его литературное творчество.

Судьба писателя сложилась так, что, достигший в своё время зенита славы и при этом нещадно критикуемый, а впоследствии и расстрелянный, он и до сих пор незаслуженно остаётся малоизвестным для многих наших современников. Среди писательских имён, на десятилетия преданных забвению, он оказался забытым особенно

прочно, и процесс его реабилитации растянулся на целых шестьдесят лет.

Сейчас Б. Пильняк постепенно возвращается на страницы нашей литературы. Восстановлены и переиздаются тексты произведений, появились исследования его творчества. Теперь он включён для изучения в программу русской литературы средней школы.

По определению известного прозаика Варлама Шаламова, Пильняк является “самым ярким писательским именем 20-х годов”.

Исследователи выделяют в творчестве писателя такую категорию, как историческая правда, а основным способом выражения этой правды – метафоричность.

Ему присуще импрессионистическое восприятие и изображение жизни, то есть стремление запечатлеть реальный мир в его подвижности и изменчивости, передать свои мимолётные восприятия, переживания и мысли самым естественным и непосредственным образом, широкими мазками. Отсюда оригинальность стиля и кажущаяся фрагментарность, “разорванность” композиции его произведений.

Как отмечали в переписке августа-сентября 1922 года Максим Горький и Контантин Федин, Пильняк пишет “мудрёно”: “Он весь из Белого и – немножко – из Ремизова”. Пильняк и сам считал своими учителями писателей-экспериментаторов Андрея Белого (Бориса Бугаева) и Алексея Ремизова.

Современники не раз подчёркивали немаловажную роль Б. Пильняка в развитии литературы того периода, его самобытность и талант: “Не боясь преувеличения, можно сказать, что из книг Пильняка глянуло на нас “девять десятых судьбы” прозаического искусства нашей эпохи” (Виктор Гофман). “...Один из самых талантливых писателей, выдвинутых нашим временем” (Вячеслав Полонский). “Если обратиться к беллетристам, выдвинутым самой революцией, то мы должны остановиться прежде всего на Борисе Пильняке, у которого есть своё лицо и который является, вероятно, самым одарённым из них...” (Анатолий Луначарский).

Поэт Сергей Есенин в статье “О советских писателях” (1924) отмечал: “Сейчас можно смело сказать, что в беллетристике мы

имеем такие имена: Всеволода Иванова, Бориса Пильняка, Вячеслава Шишкова, Михаила Зощенко, Бабеля и Николая Никитина, – которые действительно внесли вклад в русскую художественную литературу.

Симпатии к этим писателям в первенстве их одного перед другим могут делиться и не делиться. Пока они живы, неизвестно, кто кого перевесит, да и главное зарыто не в этом, а в том, что они появились, что они есть и каждый из них отражает революцию так, как он видит её, беспристрастными глазами художника.

У нас очень много писалось о Пильняке. Одно время страшно хвалили, чуть ли не до небес превозносили, но потом вдруг ни с того ни с сего стало очень модным ругать его.

...Пильняк изумительно талантливый писатель, быть может, немного лишённый дара фабульной фантазии, но зато владеющий самым тонким мастерством слова и походкой настроений. У него есть превосходные места в его “Материалах к роману” (*опубликованные главы из романа «Машины и волки» – В.Л.*) и в “Голом годе”, которые по описаниям и лирическим отступлениям ничуть не уступают местам Гоголя”.

Прославился он как “самый талантливый бытописатель революции” (Александр Воронский), которую изображал как неординарный и противоречивый процесс.

Первый же роман “Голый год” (1921) – едва ли не первый по времени советский роман, – переведённый на многие языки мира, принёс писателю и всемирную известность. В 1929-1930 гг. вышло восьмитомное собрание его сочинений.

К самым значительным произведениям Бориса Андреевича Пильняка относятся романы “Голый год” (1921), “Машины и волки” (1924), “Волга впадает в Каспийское море” (1929), “Созревание плодов” (1935), “Соляной амбар” (1937), повести и рассказы “Целая жизнь” (1915), “Смерти” (1915), “Год их жизни” (1916), “Вещи” (1918), “Смертельное манит” (1918), “Наследники” (1919), “Числа и сроки” (1921), “Иван-да-Марья” (1921), “Метель” (1921), “Лесная дача” (1922), “Отрывки из дневника” (1923), “Speranza”

(1923), “Старый дом” (1924), “Расплёснутое время” (1924), “Мать сыра-земля” (1924), “Жених во полночи” (1925), “Нерождённая повесть” (1925), “Грего-тримунтан” (1925), “Человеческий ветер” (1925), “Рассказ о ключах и глине” (1925), “Заволочье” (1925), “Жулики” (1925), “Повесть непогашенной луны” (1926), “Рассказ о том, как создаются рассказы” (1926), “Олений город Нара” (1926), “Поокский рассказ” (1927), “Верность” (1927), “Мальчик из Тралл” (1927), “Иван Москва” (1927), “Город ветров” (1928), “Синее море” (1928), “Штосс в жизнь” (1928), “Его Величество Кнеcb Piter Komandor” (1933), “Большой шлем” (1934), “Пространства и время” (1934), “Заштат” (1937) и целый ряд других.

Надо иметь в виду, что особенностью творчества Б. Пильняка является то, что написанные им повести и рассказы нередко частично или же полностью повторяются в следующих романах и повестях. Например, повесть “Красное дерево”, вызвавшая в 1929 году особенно яростные нападки на писателя, в переработанном виде вошла в роман “Волга впадает в Каспийское море”.

Борис Пильняк охотно соавторствовал с другими писателями: Андреем Платоновым (“Це-Че-О”, “Дураки на периферии”), Петром Павленко (“Лорд Байрон”), Глебом Алексеевым (“Чертополох”, “Каждую весну по-новому цветёт земля”), Николаем Зарудиным (“Железная тундра”), Николаем Никитиным, Михаилом Розановым (Н. Огнев) и Ефимом Зозулей (“Домик в Коломне. Рассказ четверых о пяти”).

### *Уездная Коломна*

Родился Борис Андреевич Пильняк в подмосковном Можайске в 1894 году – 29 сентября по старому стилю, что соответствует 11 октября по новому стилю, но сам писатель указывал дату рождения 12 октября (эта дата и считается официальной).

Его отец – Андрей Иванович Вогау (1867-1944), происходивший из поволжских немцев, – был земским интеллигентом, челове-

ком эрудированным, хорошо образованным – окончил ветеринарный институт Дерптского (Тартуского) университета. Мать – Ольга Ивановна Савинова (1872-1940) – родом из старинной русской саратовской купеческой семьи, окончила Московские педагогические курсы (что в то время приравнивалось к высшему образованию).

Детство Бориса прошло в провинциальных городах России, в которых работал его отец – ветеринарный врач: Можайске, Саратове, Богородске (Ногинске), Нижнем Новгороде, Коломне.

Коломна занимает в жизни и творчестве Б. Пильняка особое, стержневое место.

В Коломне он жил с 1913 по 1924 год. Здесь к нему пришла слава. Здесь в 1917 году женился “окончательно, серьёзно, при помощи церковного участка на некоей врачихе (земской!)” Марии Алексеевне Соколовой (1887-1959).

Свадьба состоялась 30 июня в посёлке Пески, где давно осела небольшая колония обрусевших немцев, работавших на Коломзаводе. Пески входили тогда в Кольберевскую волость Коломенского уезда, как и большая часть территории нынешнего Воскресенска (волостной центр – бывшая деревня Кольберсво – ныне микрорайон в средней части города Воскресенска).

А венчались молодые на противоположном берегу Москвы-реки в селе Черкизове в Никольской церкви на погосте Старки “в страшную грозу с громом и градом”.

Надо заметить, что Черкизовский храм в приснопамятное ещё “богоборческое” время играл в жизни воскресенцев немалую роль – здесь крестился чуть ли не каждый второй воскресенский младенец.

Несомненно интересны эти расположенные буквально “под боком” у южной окраины Воскресенска Старки (Черкизово) ещё и тем, что у жившего здесь поэта, литературного переводчика Сергея Шервинского гостили многие замечательные литераторы: Валерий Брюсов, Анна Ахматова, Борис Пастернак, Марина Цветаева, Вера Меркурьева, Лев Горнунг, Михаил Лозинский (переводчик “Божественной комедии” Данте), Александр Кочетков (особенно

популярным стало его стихотворение “С любимыми не расставайтесь!..”).

И ещё одна связующая нить: село Черкизово принадлежало князьям Черкасским, владевшим в своё время также частью сельца Кривякина и селом Марчуги.

Но вернёмся в Коломну начала прошлого века...

В Коломне 21 декабря 1917 года и 18 октября 1921 года родились старшие дети Бориса Пильняка – Наталья и Андрей. Здесь же он встретил и пережил бурные годы Февральской и Октябрьской революций и гражданской войны.

Зимой 1920-21 гг. Пильняк работал фельетонистом в коломенской уездной газете “Голос коммуниста” и в автобиографическом “Рассказе о двадцатом годе” не без иронии вспоминал об этом времени: “Через месяц с начала работы половина газеты заполнялась писателем. Оформлял и корректировал газету – писатель”.

Коломна, её окрестности, жители и уездный быт неизменно встречаются в произведениях писателя, постепенно став образом провинции. А введение в ткань произведений этих коломенских реалий придаёт им ещё большую образность, выразительность, правдивость.

В апреле 1924 года Б. Пильняк ушёл из семьи и пересел в Москву, где вскоре женился на актрисе Малого театра Ольге Сергеевне Щербиновской (1891-1975). Однако заботами прежнюю семью не оставил и Коломну навещал вплоть до лета 1936 года, пока не перевёз (после цепочки разменов) первую жену и старших детей в свою московскую квартиру на Ямском поле (ул. Правды). Сам же в июне 1936 года поселился на писательской даче в Переделкино.

В Коломне сохранились два дома, связанные с его жизнью. На улице Полянской в доме № 14 он жил с родителями и сестрой Ниной (1898-1969). В дом № 7 по Арбатской улице переселился вскоре после женитьбы. Сам он в письмах, отсылаемых друзьям, в издательства и редакции журналов, писал новый адрес так: “Коломна, Никола-на-Посадах” (дом находился в ограде Никольско-

го храма на Посаде). С ноября 1918 года у него появился даже телефон – Коломна, 1-12, и он уже смог звонить в Москву друзьям и издателям. Фасад его дома сейчас украшает мемориальная доска. Мемориальная доска установлена также на доме в Ногинске (здесь он учился в Богородском реальном училище).

С 1989 года в Коломенском педагогическом институте проходят международные научные конференции – Пильняковские чтения, на которые съезжаются почитатели и исследователи творчества писателя из многих городов России, а также ближнего и дальнего зарубежья.

2 октября 2004 года состоялся первый Пильняковский историко-литературный вечер в усадьбе Кривякино в Воскресенске.

## Рождение Писателя

Для воскресенцев в жизни и творчестве Бориса Пильняка, несомненно, особый интерес представляет 1915 год, когда произошло его рождение как Писателя. И это событие самым непосредственным образом связано с нашим краем.

Подтверждение тому находим в его автобиографических заметках. В автобиографии 1928 года Б. Пильняк пишет: “Считаю началом своей литературной деятельности 1915 г., когда были приняты и появились вещи (часть которых вошла в сборники, как, например, рассказ о птицах) в журнале Мирлобува (“Ежемесячный журнал” – В.Л.), в “Русской мысли”, в “Жатве”, “Слоухах” и пр. толстых журналах и альманахах”.

А вот из другой анкеты: “Первый мой рассказ, размером в поллиста, был напечатан, когда мне было 13 лет, в “Весне” Шебуева, без моей фамилии, – но началом моей литературной работы я считаю лето 1915-го года, когда я написал сразу пять рассказов, из которых один (“Над оврагом” или “Целая жизнь”, что одно и то же) был напечатан в апрельской за 916 год книжке “Русской мысли”, второй и третий у Мирлобува (“Одно” и “Земское дело” – В.Л.), четвёртый в “Творчестве” Абрамова (“Смерти”). “Целую жизнь” и “Смерти” я включил в мои томы”.

Рассказ о птицах — “Целая жизнь” — впервые увидел свет в журнале “Русская мысль” в апреле 1916 года (принят был к публикации в октябре 1915 года). Позднее публиковался также под названием “Над оврагом”. Вошёл во все собрания сочинений и в большинство сборников писателя. Под рассказом стоит подпись: “Кривякино, шоль 1915”.

Подпись: “Кривякино, август 1915” стоит и под ещё одним часто публикуемым рассказом — “Смерти”.

Это то самое Кривякино, находящееся почти в самом центре Воскресенска между городским парком и химкомбинатом, которое является ныне улицей Куйбышева.

Оба “кривякинских” рассказа — “Целая жизнь” и “Смерти” — вошли в первую книгу Б. Пильняка “С последним пароходом”, увидевшую свет в 1918 году в московском издательстве “Творчество” в серии “Художественная библиотека”. Она была замечена читающей публикой и имела добрые отзывы: “...Хороша книжка Б. Пильняка, где собраны рассказы: “С последним пароходом”, “В тёмный вечер” (Ошибка, правильно — “В инейный вечер” — В.Л.), “Смерти”, “Над оврагом”... Бор. Пильняк ещё молодой писатель, но с дарованием несомненным и с большой работоспособностью... Его вещи дышат неподдельной живой жизнью, а фон — описание природы и её настроений — выписан честно, с большим чутьём и вкусом” (Л. В-ов. Обзор изданий “Художественной библиотеки” и “Народной библиотеки”. Журнал “Путь”. 1919 г.).

Рассказом “Над оврагом” открывается и вторая книга Пильняка “Быльё” (М.: Звёзья, 1920), в рецензии на которую поэт Валерий Брюсов писал: “...У Бор. Пильняка есть немало данных, чтобы стать хорошим и полезным писателем. Он умеет наблюдать и умеет изображать наблюдаемое. Его картина, его типам можно верить, как точным снимкам с действительности. Вместе с тем, это — не простые фотографии, но часто художественные обобщения, концентрирующие в одном образе, в одном моменте — то, что раздроблено в жизни”.

Всего же в Кривякине Б. Пильняком написано более десятка рассказов, очерков, миниатюр.



Борис Пильняк. 1924 г. Рис. Юрия Анненкова



*О.И. Савинова-Возгуй*



*А.И. Возгуй*



*Б. Пильняк с мамой и сестрой Ниной. 1915 г.*



*Б. Пильняк с мамой  
и сестрой. 1915 г.*



*Дом № 14 по улице Полянской в Коломне. 2005 г.*



*Кривякинская ветеринарная лечебница*



*Н.А. Павлович*



*М.А. Соколова*



*Воскресенск, ул. Куйбышева (бывшая деревня Кривякино). Весна 2005 г.*



*Никольская церковь в Старках (село Черкизово). 2005 г.*



*Б.А. Пильняк с женой М.А. Соколовой и детьми Андреем и Наташей*



*Б.А. Пильняк с отцом  
А.И. Вогоу и сыном Андреем.  
Лето 1923 г.*



Дом № 7 по улице Арбатской в Коломне. 2005 г.



Коломна. Никольская церковь на Посаде. 2005 г.



Мемориальная доска на доме № 7 по Арбатской улице в Коломне



*И.И. Лажечников*



*Усадьба Красное сельцо в Кривякине. 2004 г.*

## *Под песни деревенских девчат*

Каким же образом жизнь будущего знаменитого писателя в этот ставший для него стартовым в большую литературу год пересеклась с небольшой подмосковной деревенькой, расположенной в живописном месте на высоком левом берегу Москвы-реки?

Судьбе было угодно, чтобы в 1912 году отец писателя — ветеринарный врач Андрей Иванович Вогау — был переведён из Богородского уезда Московской губернии в Коломенский уезд и получил назначение в земский ветеринарный пункт Кольберевской волости, в находившуюся в 23 верстах от уездного города деревню Кривякино.

Андрей Иванович с супругой Ольгой Ивановной и четырнадцатилетней дочерью Ниной сняли квартиру в Коломне. Сын Борис в это время жил у дяди — брата отца — в Нижнем Новгороде, где окончивал обучение в гимназии.

В Кривякине А.И. Вогау прослужил больше трёх лет — до осени 1915 года, а затем был назначен уездным ветврачом — заведующим Коломенской земской ветеринарной больницей.

Конечно же, Борис часто приезжал к отцу. Да, по-видимому, и вся семья Вогау жила в Кривякине как на даче. Неудивительно, что и в 1915 году двадцатилетний студент поселился в этом любимейшем ему месте на несколько месяцев — с ранней весны и до конца лета.

Деревня Кривякино Кольберевской волости Коломенского уезда в ту пору представляла собой сельцо в сорок два крестьянских двора, где проживало 236 жителей: 104 мужского и 132 женского пола (по данным Клировой ведомости Иоанно-Златоустовской церкви села Новлянского Бронницкого уезда за 1913 год). Рядом располагались помещичья усадьба Красное сельцо (1770-1780 гг.), земская больница (теперь здесь городская станция переливания крови) и кирпичный завод (построенный ещё в 1898 году), который добывал глину из карьера на южной окраине деревни. Всего в каких-то полутора верстах была железнодорожная станция Воскресенск, а при ней почтовое отделение “Кривякино”.

Картину патриархального деревенского быта оживляли благовест расположенного в полуверсте на противоположном берегу Москвы-реки храма села Новлянского да раздающиеся со стороны Федотова и Лопатина дальние, перекликающиеся с паровозными гудки Кацеповской ситценабивной фабрики.

Андрей Иванович по долгу службы много ездил по сёлам и деревням волости, брал с собой и любознательного сына. Так что окрестности Борису были хорошо знакомы, а впечатления от поездок по уездной глубинке потом нашли отражение в его прозе.

С тех пор изменения мало коснулись Кривякина — практически лишь в административном плане — внешне оно осталось всё той же деревней.

В 1929 году Кривякино вошло в состав вновь созданного Воскресенского района. 1 июля 1934 года вместе с пристанционным посёлком и деревней Неверово оно образовало рабочий посёлок Воскресенск, ставший 11 июля 1938 года городом.

Здание Кривякинской ветлечебницы до наших дней не сохранилось. Его, пострадавшее к тому времени от пожара, разобрали в 1973 году при строительстве учебного корпуса профессионально-технического училища № 15.

В архиве воскресенского краеведа Бориса Борисовича Попова нашёлся снимок (к сожалению, пострадавший от времени) ветлечебницы. Используя этот снимок, художник Николай Иванович Башмаков выполнил рисунок, восстановив облик важного для нашей темы исторического места.

Представить некоторые подробности жизни писателя в Кривякине помогают его письма, опубликованные в книге “Мне выпала горькая слава... Письма 1915-1937”, вышедшей в 2002 году в серии “Символы времени” издательства “Аграф” (составление, предисловие и примечания сделали сын и внучка писателя Борис Борисович Андроникашвили-Пильняк и Кира Борисовна Андроникашвили-Пильняк), а также в журнале “Наше наследие” (№ 69/2004).

О намерении ехать в Кривякино Б. Пильняк сообщал в письме поэту, редактору альманаха “Жатва” Арсению Альвингу (Смирно-

ву) ещё 6 февраля 1915 года: “На страстной уеду в деревню на дачу — приезжайте в гости”, а затем 21 марта: “На четвёртый день я уезжаю из Коломны на дачу. Адрес тогда сообщу”. Из этого можно предположить, что в Кривякино Б. Пильняк мог начать перебираться уже в среду, 25 марта.

Так или иначе, но 29 марта в письме А. Альвингу Пильняк сообщает: “Глубокоуважаемый Арсений Алексеевич. Адрес мой с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск, Моск. Казанск. ж. д., деревня Кривякино, Земский ветеринарный пункт. Мне. Снял себе избу за 7 целковых. Приезжайте в гости...”. А 3 апреля пишет из Кривякина: “Живу здесь только несколько дней, но кажется — много-много дней, и дни похожи на плиссированный шёлк — складка к складочке дни идут. Встаю, на холоде, на дворе моюсь, зубрю (с 1914 по 1920 год он учился на экономическом отделении Московского Коммерческого института — В.Л.), готовлю обед, ем, читаю, хожу на реку, и — ложусь спать. Так каждый день. Рядом имение кн. Ливен, и там в парке (теперь это городской парк — В.Л.) кричат совы. А засыпаю под песни деревенских девушек; на горе, около нашей избы — гулянки устраивают”.

Точно, в каком из домов жил Б. Пильняк в Кривякине, пока утверждать не берусь, но место деревенских посиделок скорее всего было недалеко от ветпункта, возле нынешних домов № 41 и № 43 по улице Куйбышева.

### “В Кривякине — слишком много писал...”

Здесь, в Кривякине, он жил со своей в то время невестой поэтессой Надеждой Александровной Павлович (1895-1980). “...Павлович она живёт в сущности у меня: у меня пьёт-ест, сидит весь день и мешает мне, и только ночевать ходит в клеть соседней избы”, — пишет он А. Альвингу 21 мая 1915 года.

А 6 мая, приглашая в гости поэта, редактора и издателя журнала “Млечный путь” Алексея Чернышёва, Б. Пильняк пишет о кривякинских окрестностях: “У нас здесь река, Екатерининская усадьба, парк, пруды, совы, кукушки, соловьи, рыбы, грибы, цветы...

Приезжайте, если это устраивает Вас. Я буду очень рад, буду водить и показывать Вам местные красоты. Н. Ал. (Павлович – В.Л.) будет читать стихи и бранить меня: она очень строга ко мне. Будет весьма “пейзанно” (“Пейзан” – ироничное название славянского изображения крестьянской жизни – В.Л.), просто, солнечно и – хорошо”.

1 июня вновь зовёт в гости: “Приезжайте к нам. Как раз минуты три тому под окнами шёл и кричал пароход. Наша изба стоит на горе, у реки, а на излучине, справа высится усадьба Екатерининских времён”.

Основное время будущий писатель всё же отдавал литературной работе, о чём он сообщает А. Альвингу 10 июня: “Пишу – много. И удачно. Приедете – зачитаю до смерти” и А. Чернышёву 24 июня: “На днях я уезжаю недели на три – две с половиной на Волгу поскитаться. Но всё же мой постоянный адрес – Кривякинский. Будьте добры, сообщите – принят ли окончательно в “Сп.” мой рассказ, пожалуйста (*Речь идёт об отосланном в альманах “Сполохи” рассказе “Ночью в степи” – В.Л.*). В сущности говоря, у меня только наступает лето. В Кривякине – слишком много писал. Написал и закончил два рассказа: “Последнее” и “Земское дело”. Первый, кажется, идёт в “Новой жизни”, второй в “Ежемесячном журнале”... Черкайте. Пишите в Кривякино – там всегда будут знать мой текущий адрес и перешлют письма”.

26 июля сообщает А. Альвингу: “... О моей “литературе”. Пишу. Дела идут хорошо. Как раз сегодня начал рассказ – помните? – о филинах, намеченный мною в приношение Вам. Рассказ должен быть хорошим” (*Это о рассказе “Целая жизнь” – В.Л.*). Потом на днях я закончил (завтра отдам переремингтонить) рассказ под заглавием “Как обыкновенно”. Всякий автор смотрит на свои вещи субъективно; поэтому, б<sup><</sup>ыть<sup>></sup> мож<sup><</sup>ет<sup>></sup>, я ошибаюсь; но всё же заявляю Вам, что лучше этого рассказа нет у меня ничего, несмотря на то, что он выйдет всего стр. на двенадцать печатных”.

В сентябре, подводя итоги своей литературной работы в 1915 году, Б. Пильняк записывает в дневнике: “С весны по сегодня написано: “Последнее”, “Земское дело”, “Единственное”, “Как

обыкновенно” (по-новому), “Целая жизнь”, “Смерти”, “Первый день весны”. Много писал. “Последн.” – принято в “Нов. жизни”. “Земское дело” – в “Ежемес. журн.”. Остальные висят в воздухе”.

### “Кажется люблю...”

Но итоги будут позже, а в эти дни весны и лета 1915 года Б. Пильняк и Н. Павлович, увлечённые литературной работой, совместно пишут “штук пять миниатюр”: “Жизнь”, “Истина”, “Творчество”, “Мечта”, “Счастье”, которые, однако, похоже, так и не были опубликованы.

Впрочем, молодые люди были заняты не только творчеством – они испытывали взаимное чувство влюблённости. И дело уже шло к свадьбе, о чём Пильняк сообщал друзьям в письмах. К тому же Надежда Александровна ждала ребёнка. На период любовно-романтических отношений с Б. Пильняком приходится созданный Н. Павлович цикл стихотворений “Жениху моему”, одно из которых – “Месса любви” – было опубликовано в июльском (за 1915 год) номере журнала “Млечный путь”:

*Гляжу мучительно и жадно  
В глаза холодной чистоты,  
Душа тиха и безотрадна  
У роковой своей черты.  
Ты для меня скрижала завета  
И образ твой – мечты родник,  
Но я тоскую без ответа  
У ног твоих, священный лик.  
Я жизнью грешной и напрасной  
Не оскверню твоих часов,  
Молитвенно тебе подвластна,  
Ношу я бремена оков.  
Но если б уничтожить разум!  
Скорей, скорей, последний сдвиг!  
Ты – вечность. В белые экстазы  
Мой дух тоскующий проник.*

Но что-то у молодых людей не заладилось, и в конце августа они расстались, тяжело переживая это. Возможно, на разрыв как-то повлияло и то, что в июле (во время их поездки в Саратов к бабушке Бориса — Екатерине Ивановне Савиновой) беременность Надежды неожиданным образом прервалась.

Пильняк в смятении чувств записывает в дневнике: “А-ах, тяжело и пусто. Надя... Я никогда не забуду этого чрезмерно-тяжёлого, быть может, решающего жизнь мою романа. Люблю я её? Опять, опять, как всегда, я не знаю, что такое любовь. Но — кажется люблю”.

Он ещё долго пытался разобраться в причинах не удавшихся с ней отношений, делал многочисленные попытки описать историю их любви, обыгрывая в записях сюжеты возможного последующего развития событий.

А что касается Н. Павлович, то, впоследствии перебравшись в Петроград (Санкт-Петербург), она вошла в литературный круг северной столицы, была близка к поэту Александру Блоку в последние годы его жизни. Дружба с Блоком оставила большой след в её творчестве, ему она посвятила циклы своих стихотворений.

Надежда Александровна прожила долгую и интересную жизнь: принимала активное участие в революционной жизни, работала в Пролеткульте, Народном комиссариате просвещения у Надежды Константиновны Крупской, директором Оптинского музея (в начале 1920-х годов), в Обществе охраны памятников истории и культуры. Она известна как одна из первых восстановителей знаменитой Оптиной пустыни, что близ города Козельска в Калужской области.

Надежда Павлович оставила воспоминания о своих встречах с Александром Блоком, Игорем Северяниным, Андреем Белым, Вячеславом Ивановым, Валерием Брюсовым, Михаилом Герасимовым, Сергеем Соловьевым, Михаилом Чеховым, Надеждой Селивановской, Самуилом Галкиным, Георгием Соловьевым, оптинскими старцами. Есть и воспоминания о встрече с Пильняком.

В воспоминаниях о Пильняке чувствуется какая-то непрощённая обида, возможно, даже боль (хотя запись воспоминаний относится, кажется, уже к 1971 году). Её характеристики довольно жёстки. Она вспоминает об их знакомстве в квартире журналиста Михаила Перельмана, жена которого Елизавета Вогау была родственницей Бориса:

“Борис был рыж, некрасив, грубоват, но были в нём талантливость и сила, было упорство и умение добиваться своего. Он выделялся из литературной и студенческой молодёжи, окружавшей меня, и остротой высказываний, и твёрдой своей поступью в жизни.

Ухаживал он за мной своеобразно: вместо обычных тогда цветов и духов он преподнёс мне секиру XVI века, найденную в Коломне. Сам ли он выкопал или где-то достал — не знаю. С некоторым недоумением я смотрела на древнее лезвие и думала о подарке Бориса — к чему бы это. Странное чувство возникало у меня и в самые лирические минуты. Казалось, что, говоря о своей любви, он в то же время со стороны наблюдает себя и меня. Вероятно, это и было то второе зрение, что присуще художникам.

И от всего этого было как-то страшновато и насторожённо. Хотя обычно Борис был прост, рационалистичен и даже практичен. Но это неожиданное и необычное было в нём самым привлекательным.

Через несколько месяцев он по всем правилам сделал мне предложение: я колебалась. Он мне нравился, но особой любви я не чувствовала. Он уговорил меня поехать в Коломну и познакомиться с родителями. Они меня встретили как свою.

...Старшие Вогау были прелестными, скромными, старыми интеллигентами, со всеми традициями земцев, понимавших свой труд как служение народу. Было в них старинное благородство и бескорыстие.

...Особенно хорош был отец. Когда я гостила у них, он брал меня с собой в уезд и без конца рассказывал и о крестьянах, и о деревнях, и о животных, которых лечил с таким добрым вниманием. Эти поездки были для меня праздником, а мать Бориса, Ольга Ивановна, была матерински мягка, гостеприимна, заботлива, и я в

доме у них отдыхала. Борис рассчитал правильно: “Это будет моя семья”, — думала я.

Была тут же безропотная тётя Августа.

Написала я отцу своему большое письмо в Череповец, где он, эвакуированный из Риги в 1915 году, жил у моего брата. Он приехал, познакомился с Борисом и одобрил брак: “Хорошо, что некрасивый и солидный. Это не шелкопёр. Тут, кажется, я за тебя не буду бояться”.

А следует заметить, что отец Надежды и сам был человеком солидным — действительный статский советник, окружной судья со стажем — и в людях разбирался.

Н. Павлович с подробностями вспоминала поездку с Борисом в июле 1915 года в Саратов на пароходе по Оке и Волге. “Несхожесть” их характеров и отношения к жизни она иллюстрировала такими тонкостями: “Было уже лето, поспела земляника. На маленькие лесные пристани бабы выносили тусски из коры с ягодой. Деньги на наше путешествие, и его и мои, и билеты были у Бориса. Увидев такой чудесный туссок, я сказала: “Боря, купи!”. Он купил. Но на следующей пристани мне опять захотелось. Он купил, но не столь стремительно. Я это заметила и нарочно попросила ещё. На третьей станции он поморщился и сказал: “Этак нам до Саратова денег не хватит!” — хотя тусски эти стоили копейки. И вдруг я поняла, что если сейчас он считает эти тусски, то что будет дальше! Я всегда буду с ним подотчётной — и я стала присматриваться к своему жениху и ловить аналогичное. А он ещё становился предприимчивым.

...Мне стало ясно, что Бориса я не люблю, но нас ждёт бабушка. Старый купеческий дом, с деревянными лестницами, переходами, светёлками, чуланами, садом, и великолепная старуха, сродни горьковской бабушке. Та же талантливость, та же изумительная речь. Только у этой бабушки больше властности. Но сколько шуток, прибауток, поговорок, ума, усмешки! В бабушку я просто влюбилась, и она ничего ко мне — милостива: “Вон какую краплю ты себе нашёл!” — говорит Борису, а тот ухмыляется. “Нашёл ли?” — думаю я. И так мне его ухмылка не понравилась, точно он мной уже сейчас распоряжается.

А талантливость его была от бабушки: в ней была неистребимая щедрость природы, которая передалась и сыну её, Александру Ивановичу Савинову, зеленоглазому, молчаливому и умному художнику...

На несколько дней раньше условленного срока я уехала в Москву, сославшись на какое-то неотложное дело и порешив в душе, что замуж за Бориса я не выйду. И не вышла.

А он в тот же год стал печататься всерьёз, приняла “Русская мысль” его прекрасный рассказ “Филины” (“Целая жизнь” — В.Л.). Он мне написал примерно так: “Вот меня уже “Русская мысль” печатает, я буду знаменитым писателем, а ты мне отказала. Может, одумаешься”. И долго ещё сообщал о своих литературных успехах, поднимаясь к славе. А я видеть его не хотела и письма его рвала”.

Однако Б. Пильняк в своём письме А. Альвингу 26 июля 1915 года из Коломны (или Кривякина?), где они вновь “коммунально” живут с Н. Павлович, причину её отъезда из Саратова описывает по-другому: “У меня, знаете ли, был оч. скверный “переплёт” в Саратове. Заболела Н. Ал., чем — думаю, догадываетесь (*Речь идёт о прервавшейся беременности — В.Л.*). Денег не было ни гроша. Насилу занял, чтобы отправить её в Москву, где есть знакомые врачи. Сам же — неведомо мне, каким чудом вернулся домой. Теперь это всё уладилось. И я даже вспоминаю об этом с удовольствием, ибо поточил лишний раз и так весьма заточенные нервы и получил несколько поучительных темок для моих творений”. Как видим, его опасения относительно недостатка средств были вполне оправданны. А она приняла их за скарденность.

В общем, не всё так просто в этой истории. Но, так или иначе, в конце августа 1915 года они разошлись. Борис был подавлен и даже предпринял попытку стреляться, к счастью, завершившуюся без особого ущерба для его здоровья.

Виделись они и позже. Вот как Павлович вспоминала их встречу зимой 1921-1922 года в Петрограде: “Он — знаменитый Пиль-

няк — остановился у Горького и, как мне потом говорил Горький, рассказывал ему обо мне. Я жила тогда в Доме искусств на Мойке и случайно пришла к Ремизовым. ...И вдруг входит Борис, такой же рыжий, такой же большой, только стал важнее и осанистее, — осёкся: “Надя!” Первый раз он меня увидел с тех пор, как я ушла от него. Ну, здесь, у Ремизовых, мы мирно попили чайку, подивили хозяев старым знакомством и вместе вышли. Расспросила я о его стариках, они ещё были живы, но Андрей Иванович своего знаменитого сына не одобрял; позволила я Борису навестить меня — он уже был женат на хорошей, как я слышала, женщине-враче, и я думала, что жизнь его наладилась”.

Были у них позднее и другие встречи, обеды, ужины, совместные автомобильные поездки, в том числе и уже после его развода с женой, но прежней теплоты не получилось.

“С большим юмором она вспоминала, как чуть было не погибла от руки влюблённой в Пильняка кухарки, пытавшейся её зарезать на глазах изумлённого и ничего не ведавшего жениха”, — пишет рижская журналистка Ирина Карклия-Гофт, беседовавшая с Надеждой Александровной незадолго до её кончины.

“Любил ли он меня — не знаю. Но была какая-то незаживающая ранка, думаю, больше самолюбия, чем любви. Если б поддалась, бросил бы, да ещё посмеялся. Чувствовалось в нём жестокое. Такой бы не пожалел”. В этих словах Н. Павлович сквозит явно глубоко задетое женское самолюбие.

Современники тоже не всегда лестно отзывались о ней. Н. Берберова так вспоминала: “Надежда Павлович, общая наша с Блоком приятельница, круглолицая, чёрненькая, непрестанно занятая своими туалетами, которые собственноручно кроила вкривь и вкось, — одному Богу ведомо из каких материалов...”.

Между прочим, к 1915 году (конец апреля — начало мая) относится и первое упоминание в записях Б. Пильняка имени его будущей жены. На полях, среди адресов журналов, редакторов и друзей, записан её московский адрес: “Плющиха, 4 Ростовский, 1, 2, тел. 5-03-49 (из кв. 2) Мария Ал. Соколова”.

А через год, 6 апреля 1916 года, он пишет, что в феврале хворал

флегмоной и его лечила М.А. Соколова: “Она... холодная, спокойная, нарочито прямая. Ей 28 лет. И я так честно, так целомудренно и чисто (не ожидал даже, что могу так) увлёкся ей; потерял тон, сказал ей об этом; вышло это глупо, ибо и сам не знал, чего я хотел; и всё оборвалось. А дорога она мне очень, и ещё больше я уважаю её — хорошую по-настоящему, малосчастлившую, одинокую, серую, раньше любившую и замкнувшую себя надолго. Я искренне, очень искренне и чисто подошёл к ней, радостно и целомудренно, а теперь мне больно, очень больно и тоскливо...”.

2 июля 1916 года он уже прямо пишет: “Люблю Марию Алексеевну. Нет лучше и святее её”. А ещё через год в Песках играли свадьбу.

Недаром говорят: время — лучший лекарь!

### “Теперь я Бор. Пильняк...”

1915 год связан ещё и с появлением литературного псевдонима “Пильняк”.

Первое упоминание этого псевдонима появилось в дневнике писателя в конце апреля — начале мая 1915 года: “Между прочим, теперь я не Бор. Вогау, а Бор. Пильняк”.

6 мая из Кривякина в письме редактору и издателю журнала “Млечный путь” А. Чернышёву он пишет о своём псевдониме как о факте: “В “синодике” (*Сведения об авторах журнала — В.Л.*) напишите: **Б.А. Пильняк (Вогау)**”.

Псевдоним он заимствовал от названия хутора Пильнянка в Богодуховском уезде Харьковской губернии. Здесь в 1912-15 гг. жил с семьёй его дядя — талантливый художник, впоследствии академик Александр Иванович Савинов, занимавшийся росписью церкви Бориса и Глеба в селе Натальевке.

“Пильнянка” в переводе с украинского — лесоповал, место лесных разработок, где пилят деревья.

Жители Пильнянки назывались пильняками. Борис приезжал сюда, и даже один из его ранних рассказов так и озаглавлен: “На Пильнянке”.

Использовал он до того и другие псевдонимы, например, Бор. Арбеков, Бор. Иванов, Ив. Иванов, Ник. Беляев (под последним публиковал свои стихи).

Писать под псевдонимом вообще было вполне в традициях русской литературной среды того времени (вспомним Максима Горького, Андрея Белого, Демьяна Бедного и др.).

Кроме того, надо помнить, что уже девять месяцев шла кровопролитное противоборство России и Германии в Первой мировой войне (в армию его не мобилизовали из-за близорукости) и немецкая фамилия Вогау могла вызвать некоторые сложности при публикациях. Подтверждение этому мотиву появления псевдонима мы находим в автобиографическом романе “Созревание плодов”.

Псевдоним со временем превратился в фамилию писателя.

### *На родине Лажечникова*

На северной окраине Кривякина, через овраг от ветпункта, располагалось часто упоминаемое Б. Пильняком в письмах имение Красное сельцо, принадлежавшее светлейшей княгине Александре Петровне Ливен, сын которой Андрей Александрович Ливен был предводителем дворянства Коломенского уезда.

Живя здесь, любознательный писатель не мог не слышать, что ранее эта усадьба принадлежала отцу другого нашего знаменитого земляка — Ивана Ивановича Лажечникова (1790-1869). Возможно, и это могло подогреть возникший у него интерес к коломенскому периоду жизни основоположника русского исторического романа, автора “Ледяного дома”, “Басурмана”, “Последнего Новика”. Пильняк разыскал коломенский дом, где прошло детство писателя-романиста, а затем, в сентябре 1917 года написал очерк “На родине Лажечникова”, в 1918 году опубликованный в Москве в сборнике “Дорогие места”.

Между прочим, именно из кривякинской усадьбы молодой Иван Лажечников ушёл в 1812 году на Отечественную войну с французской армией Наполеона Бонапарта, где показал себя храбрым воином.

Б. Пильняк ощущал духовную близость с великим коломенским литератором. Исследователи подмечают определённое влияние Лажечникова на историческую прозу Пильняка.

Да простит читатель отступление от темы повествования, но мне кажется, что представляет интерес то, как за полвека до Пильняка описывал И. Лажечников в письме А. Жизневскому кривякинские окрестности.

Например, 28 июня 1854 года: “...Я успел уже съездить к брату в деревню за 70 вёрст от Москвы по Коломенской дороге. Имение его прекрасное, живописно расположенное на Москве-реке. В нём я провёл своё детство и юность. Чудные воспоминания об этом времени, прекрасный сад, дети, шумящие около меня, как пчелиный рой, дивное время, книги, умное и любезное соседство и пуще всего свобода, полная свобода делали для меня пребывание в этом сельском убежище полным раем. Я не видел, как прошли 9 дней”.

Затем 23 июня 1856 года: “Пишу Вам из деревни (село Кривякино, в Коломенском уезде), почтеннейший друг Август Казимирович. Здесь уже почти с неделю и вполне наслаждаюсь деревенскою жизнью. Гуляю, купаюсь, ловлю рыбу и всё карпию... Расположение прекрасное, сад огромный, вода и воздух превосходные; по Москве-реке движутся караваны барок. Думаю, пробуду ещё десяток дней в этом земном раю...”.

А ещё в автобиографическом романе “Немного лет назад” (1858):

“С одной стороны господского дома вдоль высокого берега реки поднялась зубчатая стена вечно зелёного соснового леса, а за ним, ещё выше, берёзовая роща, которая осенью, когда лист её пожелтеет, при закате солнца, кажется золотистым занавесом, задёрнувшим полнеба. В берег глубоко вдаются овраги. Ночью эти ущелья пугают своей мрачной пастью, а днём кажутся красивыми воротами, которых арки образовали жилистые, мохнатые ветви дерёв, будто сплетшиеся через них гигантские руки. Весной черёмуха обвиняет их кудрями своих благоухающих цветов, а осенью рябина — коралловыми кистями своих ягод. Где-то, в одном из оврагов гремит ключ. В глубокую полночь, когда вся природа молчит и,

кажется, творит благоговейную молитву перед престолом Бога, когда чует слух падение листа, плеск рыбы — говор родника растёт и растёт и наплывает, и разливается далеко кругом.

...Небольшая река ластится к берегам и капризными извилинами образует красивые, разнообразные заливы, мысы и острова. ...Рыбачьи челноки, привлечённые богатой, бесплатной добычей, снуют по всем её направлениям. ...Соловьи под вечер, будто со всей окрестности, слетаются сюда спеваться; кажется, горит воздух от их жарких песен”.

Перечтём и первые строки рассказа Б. Пильняка “Целая жизнь”:

“Овраг был глубок и глух. Его суглинковые жёлтые скаты, поросшие красноствольными соснами, шли крутыми обрывами, по самому дну протекал ключ. Над оврагом, направо и налево, стоял сосновый лес, — глухой, старый, затянутый мхами и заросший ольшаником.

...Грозами, водою, временем корчевались деревья, падали тут же, застилая землю, гнили, и от них шёл густой, сладкий запах тлеющей сосны. Чертополохи, цикории, рябинки, полыни не срывались годами и колючей щетиной поросли землю.

...На крутом, грязно-жёлтом скате оборвалась сосна, перекинулась и повисла на много лет корнями вверх. Корни её, походившие на застывшего раскоряченного лешего, задравшегося вверх, обросли уже кукушечьим мхом и можжевельником.

И в этих корнях свили гнездо себе две большие серые птицы, самка и самец...”.

Не правда ли, что-то, с учётом естественных художественных обобщений, узнаваемо ещё и сегодня?! Хотя на месте зубчатых стен соснового леса и берёзовых рощ уже давно высятся кирпичные стены городских зданий.

Видела усадьба и других именитых людей. Хозяева были гостеприимны.

Весьма вероятно, что в июле 1851 года здесь, в гостях у брата И. Лажечникова — Николая, побывал писатель Николай Васильевич Гоголь, гостивший тогда у супруги калужского губернатора Н.М. Смирнова Александры Осиповны Смирновой-Россет в соседней усадьбе Спасское Бронницкого уезда.

А. Смирнова-Россет — блистательная черноокая Россети — дружила со многими выдающимися русскими писателями. Свои стихи ей посвящали Александр Пушкин, Пётр Вяземский, Василий Жуковский, Фёдор Тютчев, Михаил Лермонтов, Аксаковы.

Н. Гоголь часто гулял по округе Спасского, бывал с визитами в соседних имениях. А ближайшим, в двух верстах ниже по течению Москвы-реки, было лажечниковское Красное сельцо.

### “В Кривякино, в усадьбу...”

Кривякинский, 1915 год, несомненно стал решающим в жизни и творчестве Бориса Андреевича Пильняка: юношеские рассказы и миниатюры сменились вполне зрелыми произведениями, его начали публиковать, он прочно стал входить в литературную жизнь.

С точки зрения творчества, Кривякино для Бориса Андреевича Пильняка оказалось поистине счастливым местом.

Не забывал он эти места и в последующие годы. В нашем разговоре на эту тему его внучка Кира Борисовна Андроникашвили-Пильняк заметила, что писатель очень любил путешествовать, в том числе по ближним и дальним окрестностям Коломны, где зачастую устраивал дачи для друзей и знакомых.

В письмах он рассказывал, например, о своих велосипедных поездках по уезду.

Скорее всего, Б. Пильняк мог приехать в Кривякино на отдых и позднее.

По крайней мере, в письме писателю Евгению Замятину и его жене Людмиле 23 июня 1922 г. пишет: “А если Вы оба соберётесь ко мне, буду ОЧЕНЬ рад: тем паче, что в Коломне, у Николеы мои дни подсчитываются: осенью меня здесь уже не будет, я переезжаю в Деревню, в Кривякино, в усадьбу, поближе к Москве”.

В то время, после Октябрьской революции, в Кривякине уже был совхоз, а в усадьбе разместился Спасский сельскохозяйственный техникум.

Выходит, судьба связывала Бориса Пильняка с Кривякином целое десятилетие.

Упоминание наших мест можно найти у Б. Пильняка и позже. Например, в романе “Волга впадает в Каспийское море” (1929), действие которого происходит в Коломенском уезде, говорится и о развернувшемся в Воскресенске (между прочим, сразу за околицей Кривякина) строительстве химкомбината. Да и в других произведениях мы встречаем дорогие для нас названия: то Ратмирово — Ратмиро (“Машины и волки”), то Ратчинский лес (“Лесная дача”)...

Более детальное исследование “кривякинского” периода жизни писателя ещё предстоит. Несомненный интерес в этой связи представляют пока ещё неопубликованные, но сохранившиеся в архивах письма за 1912-1924 годы. Большие надежды в этой связи на готовящееся сейчас К.Б. Андроникашвили-Пильняк к изданию двухтомное собрание эпистолярного наследия Бориса Пильняка.

### *Дружба с Есениным*

1915 год примечателен ещё и тем, что именно тогда, по мнению сына писателя — Б.Б. Андроникашвили-Пильняка, произошла встреча Бориса Пильняка с молодым рязанским поэтом Сергеем Есениным.

Познакомились они, скорее всего, в редакции журнала “Млечный путь”, который издавал на свои средства поэт А. Чернышёв. Здесь охотно печатали начинающих, хотя в нём участвовали и маститые литераторы.

В то время в круг авторов журнала входили: И. Бурмистров-Поволжский, С. Дрожжин, С. Клычков, Н. Колоколов, И. Коробов, Н. Ляшко, А. Новиков-Прибой, Н. Павлович, И. Северянин, Дм. Семёновский, Е. Сокол, П. Терский, И. Толстой, А. Ширяевец, Ф. Шкулёв и др. Со многими из них Пильняк и Есенин сохранили в дальнейшем добрые и дружеские отношения.

Молодёжь “Млечного пути” охотно посещала литературные субботы журнала. Собирались не только писатели, но и художники, артисты. Читали стихи и рассказы, спорили о новых книгах и постановках. Вот на этих субботках, а то и просто в редакции, они и могли познакомиться.

В этом же году литературные пути Пильняка и Есенина пересеклись также ещё и в “Ежемесячном журнале” В. Миролюбова.

В дальнейшем их имена часто упоминают вместе. Но по-настоящему они сдружились позже, когда стали уже известными людьми. То их видят сидящими в кафе, то Есенин ночует у Пильняка, то Пильняк гостит у Есенина и Айседоры Дункан на Пречистенке, то они затевают новые литературные проекты, то кутят...

Современники подмечали, с кем Есенин виделся чаще. “В основном это были писатели и поэты, с которыми Сергей дружил в последние годы: Пётр Орешин, Всеволод Иванов, Борис Пильняк, Василий Наседкин, Иван Касаткин, Владимир Кириллов и многие другие писатели, издатели, художники, артисты” (сестра Есенина — Александра). “На вечеринке, устроенной в честь рождения Гали (Г.А. Бетиславской — В.Л.), в числе гостей была Софья Андреевна Сухотина (урождённая Толстая), Б. Пильняк и ленинградская поэтесса М. Шкапская” (Василий Наседкин, поэт, муж сестры Есенина — Екатерины). “Осенью у Пильняка сидим. Спорит (Есенин — В.Л.), и очень убедительно, с Пастернаком о том, как писать стихи так, чтобы себя не обижать, себя не терять и в то же время быть понятным” (Василий Качалов, актёр Московского художественного академического театра). “Вчера была домашняя пирушка. Пильняк, Воронский, Ионов, Флоровский, Берзина, Наседкин, я и сестра” (Сергей Есенин — журналисту Николаю Вержбицкому).

Б. Пильняк познакомил Есенина с актёром Василием Качаловым (между прочим, сразу после этого появилось знаменитое: “Дай, Джим, на счастье лапу мне...”), с писателем Борисом Пастернаком, а также с Петром Чагиным и с будущей женой поэта — Софьей Толстой (внучкой Льва Толстого).

Известно, какую заметную роль в жизни и творчестве С. Есенина сыграло знакомство с Петром Ивановичем Чагиным (Болдовкиным), работавшим в то время вторым секретарём ЦК Компартии Азербайджана и редактором газеты “Бакинский рабочий” (позднее —

директором издательства “Художественная литература”). Благодаря Чагину стала возможной поездка Есенина на Кавказ, результатом которой явились великолепный цикл стихотворений “Персидские мотивы” и первая публикация поэмы “Анна Снегина”. Б. Пильняк знал П. Чагина, когда тот ещё работал в Республике немцев Поволжья, ведь из тех мест (из Екатериненштадта — ныне г. Маркс) был родом отец писателя.

В последний раз Пильняк и Есенин виделись 23 декабря 1925 года, в день отъезда Есенина в Ленинград (ныне Санкт-Петербург). Свидетелем их встречи в Госиздате оказался писатель Иван Евдокимов, готовивший тогда к печати трёхтомник Есенина: “В очереди у кассы в толпе были писатели: Пильняк, Герасимов, Кириллов. — Ну, прощайте! — пошатался Есенин с серьёзным и сосредоточенным видом. Он обнял попеременно Пильняка, Герасимова, меня, расцеловались”.

А дальше: “В конце декабря 1925 года в кинотеатре “Художественный” на Арбатской площади был организован общественный просмотр нового фильма “Броненосец “Потёмкин”. На это праздничное событие собрались писатели, артисты, художники, журналисты, корреспонденты иностранных газет...”

Сверкая толстыми стёклами своих заграничных очков, к нашей группе в сопровождении незнакомого спорбленного старичка подошёл писатель Борис Пильняк и сообщил новость: — Слыхали, Есенин повесился! — Весь зал обернулся на эти слова. Я, вероятно, ослышался. Не может быть! Совсем недавно с поэтом Павлом Радимовым мы навещали его в лечебнице проф. Ганнушкина на Девичьем Поле. И вдруг... — Да, да, — подтвердил спутник Пильняка, как оказалось, ленинградский художник-график, близко знавший Есенина. — В гостинице “Англетер”. Я только что из Ленинграда”.

На следующий день, 29 декабря, Пильняк уже выносил узкий жёлтый гроб с телом Есенина из вагона поезда, а ещё через несколько дней в журнале “Журналист” был опубликован написанный им отзыв на смерть друга.



Б.А. Пильняк. 1928 г.



*Борис Пильняк. 1932 г.*



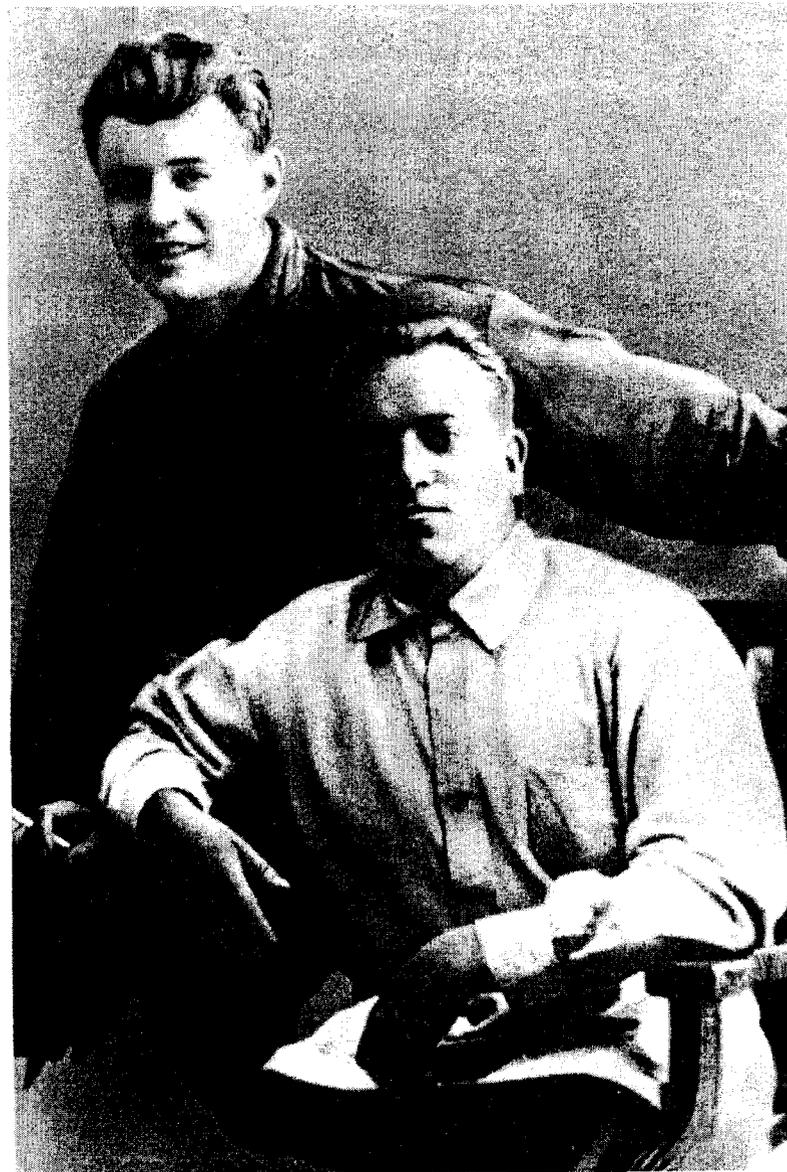
*А.М. Ремизов*



*Андрей Белый*

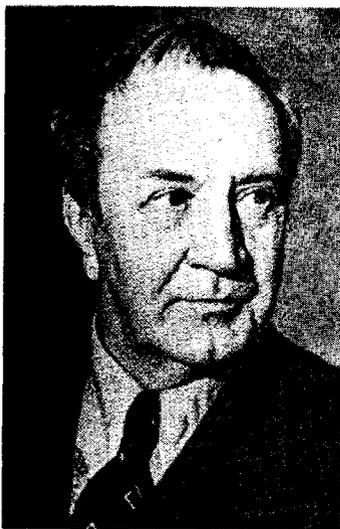


*Русские писатели в Берлине. 1922 г.  
Сидят (слева направо): А.М. Ремизов, А.С. Яценко;  
стоят: А. Белый, Б.А. Пильняк, А.Н. Толстой, И.С. Соколов-Микитов*

*А.М. Горький**К.И. Чуковский**Б.А. Пильняк с детьми  
Наташей и Андреем. 1932 г.**С.А. Есенин и П.И. Чагин. 1924 г.*



*В. Наседкин, А. Есенина, Е. Есенина (сидит),  
А. Сахаров, С. Есенин, С. Толстая-Есенина. 1925 г.*



*В.И. Качалов*



*Б.Л. Пастернак*



*К.Г. Андроникашвили*

## Фильма „ЭЛИСО“



Сценарий—С. Третьякова, Н. Шенгелая.

Режиссер—Н. Шенгелая.

Оператор—В. Кереселидзе.

В гл. ролях—К. Андроникашвили и  
Н. Наралашвили. и А. Имедашвили

*К.Г. Андроникашвили в роли Элисо (киноафиша)*



*Дети Б.А. Пильняка —  
Наталья и Борис*



*Б.А. Пильняк с матерью, детьми и няней*



А.А. Ахматова в Старках. 1936 г.



М.А. Булгаков



А.А. Ахматова в Коломне. 1936 г.

### “Мы живём на вулкане...”

Письма Б. Пильняка интересны ещё и тем, что глазами очевидца в них (они краткие и скорее “производственные”) между делами проступают картины наших уездных будней той кипучей, переломной поры.

Например, 2 июля 1917 года в письме родителям и сестре Нине, уехавшим в Саратов, он пишет: “В Коломне — тихо, покойно, и настроение — в смысле российских урядиц — бодрое. Выборы прошли. Большинство от с.-р., затем ка-де (*представители партий социалистов-революционеров и конституционных демократов* — В.Л). Большевиком — всего два человека. Эс.-эры — народ хороший у нас в Коломне; ни одного эксцесса не было, всё в порядке. Полк — весь ушёл воевать, с музыкой и с плакатом: “далой германский милитаризм, война до окончательного свержения германской монархии”, — так что “товарищей солдатом” нет, сейчас же уменьшились разные подзаборные дебоши”.

А буквально через полгода, 6 января 1918 года, сообщает А. Чернышёву: “В Коломне у нас — голодные будни. Я местными большевиками зачислен в “контрреволюцию” и новый год встречал — в тюрьме, был арестован, и по поводу меня поднимался даже вопрос — не расстрелять ли? — других расстреливали”.

21 марта 1918 года Ивану Белоусову — поэту, переводчику Т. Шевченко, обратившемуся с просьбой узнать о возможности покупки дачи в Песках: “Имение Шереметьева со всеми землями забрано крестьянами, сам же Шереметьев из Псков уехал и где находится неизвестно. Говорить с сельским комитетом мне не советовали, потому, что, если через него и можно получить клочок земли, земля эта будет сейчас же отобрана, как только кончится вся теперешняя неурядица и вернётся прежний владелец. ... В Коломне у нас гнусно...”. Как видим, ещё предполагали возможность возвращения прежних порядков частной собственности.

28 ноября 1918 года заведующему издательской секцией журнала “Рабочий мир” П. Зайцеву: “Пётр Никанорович, голубчик! Приезжайте ко мне в гости (поезд уходит в 6.35, с Казанского вокзала), пожалуйста, — денька на два”. Ему же, через два с половиной месяца, 9 февраля 1919 года, пишет уже с горечью: “В Коломне сыпной тиф, мы живём на вулкане. Продовольствие гнуснеет. Нет керосина...”.

20 марта 1919 года Виктору Сергеевичу Миролубову — издателю и редактору “Ежемесячного журнала”: “Одновременно с этим письмом заказной бандеролью я пересылаю Вам рукописи — очерк о “Земской революции” и рассказ “Ордынины”. Мне очень любопытно, что скажете Вы по поводу очерка. Любопытное подтверждение моим мыслям происходит сейчас по всему Коломенскому уезду — в каждом селе молебствия и крестные ходы об избавлении от тифа. А тиф свирепствует: в Коломне 5 тысяч больных и только триста коек. Хворают почти в каждом доме. Жена у меня врач, живём на вулкане, ходим измазанные противovoшную мазью... Я нигде не служу, существую только литературой, второй месяц у меня нет ни копейки денег и нет хлеба...”.

16 сентября 1919 года В. Ютанову, секретарю литературного кружка “Звено”: “Дорогой Владимир Павлович, — не беспокойтесь. Я жив, здоров и мучен. Не писал, не был, потому что вообще этот месяц не существовало Пильняка, а был рабочий Шевырёв, который ездил за мукой куда-то к чёрту на кулички, за Волгу, за Мелекес, к Бугульме, — ездил, чтобы привезти пятнадцать пудов злаков, т.е. спасти Пильняка на год и дать ему возможность “творить”. Спасибо рабочему Шевырёву; Пильняк сыт, многотема, много рассказов. И всё же Шевырёву досталось — от вшей, от нар, от заградительных отрядов, от белых. Ведь Шевырёв несколько дней был отрезан от Москвы и 18 дней питался одной картошкой и плесневелым хлебом, без соли. Плавал же по российским весям — ровно 26 дней.

— Ах, дорогие мои! Если бы Вы знали, как много необыкновенно-

о в России! Пусть я был и истопником на паровозе, и в чрезвычай-це, и эшелонным старостой, пусть ели меня вши, — прекрасно!”.

Весной 1920 года поэту Николаю Ашукину и Владимиру Ютанову: “Я купил себе корову. Живу как мещанин у писателей-народников (Максимов, Гл. Успенский), — экстенсивным манером хозяйства. Кормлю корову, чищу двор, достаю сена, забочусь о картошке и прочее. Сами будем сеять”.

9 марта 1921 года Н. Ашукину: “В Коломне у меня, в сущности, изба. В окно видно Николу и провинциальнейший этакий дом, в хре и как ящик, а над ним — небо (весеннее уже!) и солнце, которое сейчас мешает писать. ...У меня в комнате (вся в солнце!) диван покрыт медвежьей шкурой, а вместо халата — тулуп, и чьями, растерзанный и полуодетый, я валяюсь с книгами”.

24 мая 1921 года Максиму Горькому: “...Уже четыре дня пишу новый рассказ — про деревню. И в Коломне, и в деревнях — очень тоскливо. Горожане за продовольствием ездят отсюда в Тверскую губернию (1 фунт хмеля там выменивают на 15 ф. муки). В деревнях мужики бродят: по развёрстке с деревни приходилось платить, положим 90 пудов, а налогом — 120. Заседал тут в волостной ячейке РКП (Российская коммунистическая партия — В.Л.) — первый раз в жизни. Человек 15 мужиков, двое неграмотных (члены РКП). Секретарь считал голосующих — мизинцем. Я попал туда вместе с товарищем, горожанином-коммунистом, который и меня, по дружбе, выдал за коммуниста. Обсуждался вопрос: отобрать или не отобрать корову у буржуа-учителя, в наказание за проплогодную спекуляцию картошкой. Словечки: едак (вместо эдак), гражданин, втуняцы — захудалые люди. “Когда ты будешь очевидец внутренности человека, тогда ты будешь знать, что я буду говорить!” — это, когда ему сказали: — “Да уж знаем, что скажешь!” — заседание было в Волостном совете (бывшей волости), жара, мухи, плакаты висят в красном углу, с потолка и вниз (так что ничего не прочтёшь), — закончили собрание “Интернационалом”. (Уж, не в Колыбереве ли это было? — В.Л.).

...Нехорошо в Коломне. Люди здесь сейчас живут так: до 4-х на службе, а с четырёх до двенадцати (нарядившись, как подра-нее) на огородах, спыхали всё сами вместо лошадей, и даже переулки кое-какие загородили колючей проволокой, что у мостов валялась с тех пор, как поджидали Мамонтова (*Белый генерал, возглавлявший в августе-сентябре 1919 года рейд белогвардейской конницы по тылам войск Южного фронта Красной Армии* — В.Л.). Говорят о том — кто сколько и чего посеял. Больше ни о чём не говорят...”.

14 июля 1921 года В. Миролюбову: “Вчера вечером я вернулся из Москвы на автомобиле, ехали большаком, Астраханским старинным трактом (*нынешнее Рязанское шоссе* — В.Л.). И вот по дороге нам — на протяжении ста вёрст — повстречалось повозок сто: русских цыган имя уже есть нарицательное. Это — едут из Самарской, Саратовской, Симбирской губерний. Повозка, пара лошадей, на повозке, как у цыган, обручами натянут шалашик. В Самарской, Саратовской, как во всём Поволжье, как на Донщине, на Кубани, в Поуралье, в Сибири Западной — голод: сгорели озимые, их перекопали, посеяли яровые, и яровые сгорели, — картошка в земле спеклась, так что её можно есть печёную, — пуд лебеды стоит 50 т. руб. и пуд коры древесной — 30 т. р., — лошадь стоит — 1 1/2 пуда муки. Го-ло-д. И поползли — куда глаза глядят, русские цыгане... — доползли до Москвы. В одной из повозок (на автомобиле мы мимо сжали, сли вишни, острили, очень удобно, а телеграфными проводами, что шумели с боков большака, поди передавали депеши — о Коминтерне III-го Интернационала, о забастовках в Ливерпуле, о победах на трудовых фронтах, о планетарной революции) — в одной из повозок лежал старик, умерший от холеры: едут, куда глаза глядят!

Я злюсь очень редко и всегда болезненно тяжело. Вечером дома жена сказала, что в поле у нас выкопали картошку — идёт ужаснейший свистопляс. По весне надо было караулить семена, ибо

днём сажали картошку, а ночами приходили негодяи и выкапывали её. Теперь едва-едва поспевает картошка — и идёт сплошной грабёж, такой, что к осени едва ли что останется. Трагедия в том, что некого послать караулить: все воруют. Сплошное, круговое воровство: каждый друг у друга. ...Крестьяне стонут, собирают сходы, посылают сторожей — и сторожа проворовываются. Посылают новых сторожей, и новые сторожа — в отместку — воруют у прежних. А жульё, которое взяло себе в профессию копать ночами картошку (есть и такие профессии!), ходит с винтовками. ...Большой бессмыслицы, глупости, воровства, хамства, чем теперь в деревне, я не знал и не знаю...”.

26 июля 1921 года В. Миролюбову: “Пишу это письмо Вам, сидя в мезонине стариннейшего в уезде имения генералов Вильяшевых (*Имение отставного генерала П.И. Вельяшева располагалось возле деревни Новосёлки на берегу реки Коломенки* — В.Л.). За революцию тут были — и коммуна, и совхоз, и детская колония: поэтому теперь в доме ни одной рамы, — в стариннейшем, прекраснейшем доме. Жена уехала сюда на дачу. В мезонине кое-как можно спастись от ветра — ставнями. Неделю мы никак не могли добиться мебели: вчера наконец привезли, привёз “комендант”: помусолил карандаш (чернильный) и написал на каждом столе: — стол, а на каждом стуле: — стул, — чтобы не было ошибки, для аккуратности, и сдал под расписку. — А чтобы зря не гонять лошади, отворотил у дома водосточную трубу и целый воз навалил прутьев туй из парка — “для лёгкого духу”.

22 июня 1922 года Н. Ашукину: “...Приезжай, скорее. И дача, и всё есть: жить будешь у Христа за пазухой, в среде помещиков, где каждый — клад для романа. — Ехать лучше на дневном поезде, в 2.30, № 3. На вокзал прийти к полпервому, там купить и билет (и плацкарту: лишние 700 т.р.). В Коломне — через 3 часа. Там покажет каждая собака (докторицу Марью Алексеевну Соколову-Вогау, на Никольской улице)”.

### “Был очень мил...”

В воспоминаниях друзей Б. Пильняк предстаёт довольно общительным молодым человеком, “высоким, рыжеволосым, в больших с круглыми стёклами очках”.

Но есть и более экспрессивный портрет из дневника писателя Корнея Чуковского, который в марте 1922 года после одной из встреч накануне отъезда Пильняка и поэта-имажиниста Александра Кусикова в Германию записал: “... Сюда, в Питер, приехали два москвича: Кусиков и Пильняк. Приехали на пути в Берлин. На руках у них были шальные деньги, они продали Ионову (*Поэт Илья Ионов заведовал Петроградским отделением Госиздата — В.Л.*) какие-то рукописи, которые были проданы ими одновременно в другие места, закутили, и я случайно попал в их орбиту: я, Замятин и жена Замятина. Мы пошли в какой-то кабачок на Невском, в отдельный кабинет, где было сыро и гнило, и стали кутить. После каторжной моей жизни мне это показалось забавно. Пильняк длинный, с лицом немецкого колониста, с заплетаящимся языком, пьяный, потный, слюнявый — в длинном овчинном тулупе — был очень мил”. И ещё одна запись из того же дневника 27 февраля 1923 года: “Я с Пильняком познакомился ближе. Он кажется шалым и путаным, а на самом деле — очень деловой и озабоченный. Лицо у него озабоченное — и он среди разговора, в трактире ли, в гостях ли — непременно удалится на секунду поговорить по телефону, и переход от разговора к телефону — у него не заметен”.

Борис Пильняк всегда очень активно участвовал в жизни писательского сообщества. Редактировал альманах “Круг”. Одно время был председателем Всероссийского союза писателей (до сентября 1929 года, когда вместе с Б. Пастернаком написали заявление о выходе из союза).

Он находился в дружеских и творческих отношениях со многими отечественными и зарубежными писателями и поэтами того времени: Андреем Белым, Валерием Брюсовым, Максимом Горьким, Анатолием Луначарским, Алексеем Ремизовым, Евгением Замятиным, Алексеем Толстым, Борисом Пастернаком, Андреем Платоно-

вым, Михаилом Булгаковым, Анной Ахматовой, Нурдалем Григом, Мартином Андерсеном-Нексе, Вячеславом Шишковым, Мариной Цветаевой, Корнеем Чуковским, Александром Серафимовичем, Константином Фединым, Верой Инбер, Николаем Погодиным, Викентием Вересаевым, Ольгой Форш, Иваном Соколовым-Микитовым, Вячеславом Полонским, Всеволодом Ивановым, Михаилом Зощенко, Исааком Бабелем, Артёмом Весёлым, Дмитрием Фурмановым, Лениамином Кавериныным, Николаем Асеевым, Валентином Катаевым и многими, многими другими.

Вообще, как вспоминала Галина Воронская — дочь литератора А. Воронского: “В доме Пильняка собирались люди различного положения, профессий и национальностей. Там бывали и члены правительства, и учёные, и артисты, и писатели, и китайские художники, и японские танцовщицы”.

Об одном из собраний в издательстве Артели писателей “Круг” осенью 1923 года вспоминал писатель Всеволод Иванов: “Из Петрограда приехали писатели, члены правления “Круга”. Прошло собрание, утвердили годовой отчёт, разработали план, и, когда писатели взяли было шапки, кто-то предложил складчину — три рубля. Устроим вечер — москвичи будут угощать петроградцев, петроградцы москвичей, и надо же наконец собраться не только членам правления, но и всем, надо же посмотреть пристально друг на друга”.

Вс. Иванов называет фамилии присутствовавших: Александр Воронский, Борис Пильняк, Александр Фадеев, Александр Мальшикин, Владимир Маяковский, Борис Пастернак, Сергей Есенин, Исаак Бабель, Демьян Бедный, Александр Безыменский, Владимир Киришон, Артём Весёлый, Михаил Светлов, Михаил Герасимов, Николай Асеев, Дмитрий Фурманов, Иван Приблудный и др.

“Возле шведских бюро, сдвинутых вместе, стоял Б. Пильняк, писатель в те дни почти уже знаменитый. Он только приехал из-за границы, — заграничные поездки писателей были ещё очень редки; черепаховые его очки, под рыжими волосами головы и бровей, особенно велики, — мы ещё носили крошечные пенсне; он — в сером, и это тоже редкость. Бас Б. Пастернака слышался рядом.

К ним подошёл Бабель, в простой толстовке, начал шутить, и они засмеялись. ...И глядя на этот список, я понял, что я встретился сегодня ни больше ни меньше как со всей великой советской литературой”.

По делам писательской организации приходилось Б. Пильняку общаться и с руководителями государства: А. Рыковым, К. Радеком, Л. Троцким, С. Кировым, И. Сталиным, Л. Каменевым, Л. Красиным, В. Антоновым-Овсенко, Л. Кагановичем, Н. Булганиным и другими.

Имя Бориса Пильняка тесно связано с историей возвращения в Советскую Россию из эмиграции Алексея Толстого и Ивана Соколова-Микитова.

В творческих командировках Б. Пильняк объездил многие области и республики Советского Союза, побывал в Германии, Англии, Греции, Турции, Палестине, на Памире и Шпицбергене, в Монголии, Китае, Соединённых Штатах Америки и Японии. Любопытно, что Б. Пильняк был в числе первых иностранцев, исправивших давнее заблуждение, что составляющие название Японии — Ниппон — два иероглифа, толкуемые издавна как “страна восходящего солнца”, на самом деле есть не что иное, как “корни солнца”. Его заметки 1926 года так и называются: “Корни японского солнца”.

### *“Воля не видеть”*

Борис Пильняк был писателем нового революционного времени. Тем не менее, трезво видел все его противоречия. И в силу своего характера говорил обо всём открыто. С годами это становилось опасным.

Травля и оголтелая критика сопровождали всю жизнь и творчество Б. Пильняка. Он был “неудобным” писателем. Ему не прощали своесобразия и прямоты, нежелания писать на заказ.

Он был новатором в области новой прозы, но причислялся к “попутчикам”, а их, как известно, всячески принижали.

Вниманием он обделён не был как со стороны тех, кто его читал, так и тех, кто не читал. У критиков появился даже ругательный термин — “пильняковщина”.

Лев Троцкий в своей книге “Литература и революция” (1923) писал: “Особенно входит почему-то в моду травля Пильняка, в чём собственно упражняются также и футуристы... Выкиньте из вашего обихода Пильняка и Всеволода Иванова — и мы окажемся на некоторую дробь беднее”. М. Горький в статье “О трате энергии” (Газета “Известия”, 1929) также возражал против негативного отношения к Пильняку, которое “как бы уничтожает все его заслуги в области советской литературы”.

Б. Пильняк и сам “шёл на рожон”, давая поводы для скандалов.

В “Отрывках из дневника” (1924) он заявляет: “...Вот чего я не признаю: — не признаю, что надо писать захлёбываясь, когда пишешь об РКП, как делают очень многие, особенно квази-коммунисты, придавая этим нашей революции тон неприятного бахвальства и самохвальства, — не признаю, что писатель должен жить “волей не — видеть”, или, попросту, врать, а враньё получается, когда не соблюдена статическая какая-то пропорция (например: у нас европейски-оборудованная Каширская электростанция, но пол-России ещё живёт без керосина, — так вот, толковее писать, что у нас Россия сидит во мраке по вечерам, чем писать, что у нас проведена электрофикация; или другой пример: я помню, в двадцатом году, в “Гудке” было напечатано — “победа на трудовом фронте, люберецкими рабочими нагружено 17 вагонов дров”. — Мне думается, если припомнить английские грузоподъёмные краны, вернее было бы сказать — “разгром на трудовом фронте”); я — не коммунист и, поэтому, не признаю, что я должен быть коммунистом и писать по-коммунистически, — и признаю, что коммунистическая власть в России определена — не волей коммунистов, а историческими судьбами России, и, поскольку я хочу проследить (как умю и как совесть моя и ум мне подсказывают) эти российские исторические судьбы, я с коммунистами, т.е. поскольку коммунисты с Россией, постольку я с ними; ...признаю, что мне судьбы РКП

гораздо меньше интересны, чем судьбы России, РКП для меня только звено в истории России; знаю, что я должен быть абсолютно объективен, не лить ни на чью мельницу, никого не морочить, и — признаю, что быть-может, я во всём неправ, — но тут-то я хорошо знаю, что иначе, чем я пишу, я писать не могу, не умею, не напишу, если б — и хотел себя изнасиловать...”

Такие высказывания, конечно, рождали неудовольствие официальной власти.

А могли ли понравиться такие слова из повести “Третья столица” (1922), хотя бы и вложенные в уста персонажа-иностранца: “Беру газеты и книги, и первое, что в них поражает, — ложь всюду: в труде, в общественной жизни, в семейных отношениях. Лгут все: и коммунисты, и буржуа, и рабочий, и даже враги революции, вся нация русская. Что это? — массовый психоз, болезнь, слепота?” ...Оказывается, есть иная воля — воля не видеть”.

Не могла пройти бесследно аллюзия (явный намёк) в “Повести непогашенной луны” на таинственные обстоятельства гибели на операционном столе наркомвоенмора Михаила Фрунзе, имевшего тогда слишком большую популярность в стране, и зловещую роль в этом “негорбачегося человека” Иосифа Сталина.

И ведь Пильняку наверняка была действительно известна фактическая сторона этой трагедии: он близко знал писателя Александра Воронского, друга М. Фрунзе, выведенного в повести в роли Попова — друга наркомвоенмора Гаврилова, и с посвящением которому повесть печаталась. Да и Воронский в письме М. Горькому в июне 1926 года признавался, что сообщил Пильняку кое-какие подробности, относящиеся к смерти Фрунзе.

Трагедия героя повести — это трагедия революции, которая “в очень большой мере движется смертью и кровью”.

В этой повести впервые в литературе описан механизм, порождённый извращённым пониманием дисциплины и автоматической жертвенной верности “приказам партии”, который толкает одного человека на бессмысленную операцию и смерть, а другого на со-

вершение несправедных дел, оговор самого себя и невинных людей, и порождающий, в конечном счёте, диктатора, тирана.

Пройдёт десять лет, и этот механизм устранения неудобных видов людей будет доведён до убийственного совершенства.

Тираж журнала “Новый мир” за май 1926 год, где была напечатана повесть, конфисковали. Несостоявшаяся публикация в дальнейшем во многом предопределила судьбу Пильняка.

А в 1929 году произошёл новый скандал, вызванный выходом в Берлинском издательстве “Петрополис” повести “Красное дерево”, которая не прошла публикацию в советских изданиях.

Страсти вокруг Б. Пильняка накалились и шли по нарастающей. В этой кампании была одна специфическая особенность: критики наперегонки разносили в пух и прах повесть, которую не читали.

Характер травли могут передать некоторые заголовки различных статей: “Недопустимое явление”, “Борис Пильняк — собственный корреспондент белогвардейщины”, “Проверить Союз писателей”, “Против переключки с эмигрантщиной”, “Об антисоветском поступке Б. Пильняка”, “Уроки пильняковщины”, “Вылазки классового врага в литературе”, “Против пильняковщины и примиренчества с ней” и т.п.

“Антисоветизм” повести состоял в том, что в ней показана не отлакированная жизнь, что, как и писал в ответ на оголтелую критику в “Литературной газете” Б. Пильняк, “действительно в России есть ещё отрепье прошлого, обыватели, реставраторы, мелкие воришки, распутники и бездельники”. В общем, чем правдивее вещь, тем больше она вызывает негодование.

Одновременно с Пильняком общественной “порке” подвергался Евгений Замятин за роман “Мы”, также вышедший в свет за границей.

Травля продолжалась до апреля 1931 года и по накалу была не менее высокой, чем последующая проработка в 1946 году Анны Ахматовой и Михаила Зощенко.

## Анна Ахматова

В условиях начинавшихся в 30-х годах репрессий Б. Пильняк живо участвует в судьбе собратьев по перу.

Известно, что после ареста 23 октября 1935 года в Ленинграде мужа и сына Анны Ахматовой — Николая Пунина и Льва Гумилёва, Анна Андреевна поехала за помощью в Москву к Борису Пильняку. Вместе с ним, Борисом Пастернаком и Михаилом Булгаковым она безуспешно пыталась найти подходы к НКВД. Наконец решили всё-таки написать письмо самому Сталину. Через вхожую в кремлёвские коридоры писательницу Лидию Сейфуллину им удалось передать послание секретарю Сталина Александру Поскрёбышеву. Две недели спустя на письме появилась резолюция генсека наркомму НКВД Генриху Ягоде: *“Отпустить”*.

С Анной Ахматовой Пильняка связывало и многое личное. По-знакомились они где-то во второй половине 1920-х годов. Пильняк сдружился сначала с Н. Пуниным в связи с тем, что оба побывали в Японии и имели общих знакомых. А затем состоялось его знакомство и с А. Ахматовой.

Дружескую близость их отношений может подтвердить письмо Б. Пильняка от 23 февраля 1930 года, адресованное маленькой Ире Пуниной, которую он называл Аришей. Одновременно письмо обращено и к Ахматовой, именуемой им в этом шутовском письме Ваней:

“Ариша, когда Ваня опять поедет в Москву, приезжай с ней ко мне в гости. Пока не шлю тебе собаку, потому что она ещё не открывает глаз. К твоему приезду глаза будут открыты. Поцелуй папу и помни меня. В Москве будешь кататься на автомобиле и на мне. Будет очень весело, будем пить вино и каждый день Ванины именины. Крепко целую тебя. Твой друг Боря”.

Исследователь литературной истории Коломны Константин Петросов в заметках об А. Ахматовой ссылался на А. Наймана и Э. Герштейн, которые независимо друг от друга пересказывали со слов Анны Андреевны, “что Борис Пильняк был влюблён в Ахматову и делал ей официальное предложение”. По словам Герш-

тейн, “Анна Андреевна совершила с Пильняком экзотическую поездку в открытой машине из Ленинграда в Москву”. Эта поездка, по мнению Натальи Соколовой — дочери Бориса Пильняка, высказанному на первых Пильняковских чтениях в Коломне в октябре 1989 года, могла состояться в самом начале 1930-х годов. Пильняк тогда впервые опробовал новую машину, перегоняя её из Ленинграда в Москву.

Про Пильняка-автолюбителя именно того времени есть заметки в дневнике Корнея Чуковского 27 ноября 1931 года: “Вчера за мной заехал к Кольцову Пильняк — в чёрном берете — любезный, быстрый, уверенный, — у него “Форд”, очень причудливой формы, — правит он им гениально, с оттенками...”.

Памятуя вышесказанное, не удивителен интерес, который проявляла А. Ахматова к Коломне, к дому, где жил когда-то Б. Пильняк.

В июле 1936 года, когда гостила у Сергея Васильевича Шервинского в Старках (Черкизове), Анна Андреевна в сопровождении Шервинского и Льва Горнунга ездила в Коломну. Они обошли чуть ли не весь город, много фотографировались, были в Коломенском кремле, у Маринкиной башни. На Посаде долго, но безуспешно искали дом Пильняка. Хотя судя по фотоснимкам, сделанным на Арбатской улице, бродили они недалеко (в то время дом находился в глубине двора, загороженный снесённым позднее зданием).

Тёплая доверительность их дружбы чувствуется и в стихотворении, посвящённом Борису Пильняку в трагическом 1938 году. Но об этом чуть позже...

Упомянув воспоминания С. Шервинского о днях пребывания Ахматовой в Старках, не могу удержаться, чтобы не привести показавшиеся любопытными, с точки зрения бытовых деталей, строки о том, как они добирались на поезде из Москвы в Пески через Воскресенск: “Гостья была предупреждена, что доехать до Старков не просто. В то время надо преодолеть три часа езды в “местном” — рязанском — поезде до станции Пески (“дачные” туда не доходили), потом идти пешком версты полторы до Москвы-реки, а там

переправиться на другой берег, мост у села Черкизова был выведен из строя уже несколько лет назад. Наша усадьба стояла на берегу, но в полуверсте от парома, и мы предпочитали переправляться на своей лодке прямо против неё. Приглашая Ахматову к себе, я был уверен, что её такими трудностями не смутить.

Вагон, где мы ехали, наполнен был, как все тогдашние “местные” поезда, толпой тех деревенских баб и девок, как сами они себя называли, которые в ту пору носили нивелирующее прозвание “мешочниц”. ...Усталые от рыночной толкотни, но в общем весёлые женщины раздирали руками селёдку, откусывали колбасу “от цельной”, запивали по очереди водой из бутылок и бидонов. С этой однообразной серой женской толпой Ахматова контрастировала сильно.

...После Бронниц, не видных с железнодорожного полотна, уже простиралась луговая равнина — до Коломны и дальше, к Рязани. В вагоне начиналось оживление. “Мешочницы”, почти все, “вылезали” на маленькой безымянной и бесперронной остановке, откуда им предстояло идти вёрст тридцать до своих деревень. Женщины разувались и уже босые прыгивали с подножек на придорожную луговину.

...Потом уже в полуопустевшем, облежённом от всяких запахов вагоне приходилось ещё ждать целых полчаса в Воскресенске, где по расписанию должен был простоять наш “местный”...

Выходит, старый воскресенский вокзал лицезрел многих великих...

### *“Горькая слава...”*

Маховик репрессий уже набирал обороты. Яркие, неординарно мыслящие личности были обречены на заклятие.

С 1929 года в стране постепенно нарастает вал борьбы с инакомыслием, охота на “врагов народа и партии”. Укореняющийся тоталитаризм не мог терпеть людей, которые не хотели “колебаться с линией партии”, отстаивающих собственную точку зрения.

Ещё в 1924 году Пильняк писал в рассказе “Расплёснутое время”: “...Я — писатель, пишу книги, пишу про свою и чужую жизнь, плету вымысел с явью. Быть может, Вы слышали, что мне выпала горькая слава быть человеком, который идёт на рожон. И ещё горькая слава мне выпала — долг мой — быть русским писателем и быть честным с собой и Россией”. Отсюда начинается тот путь, который привёл его к трагической развязке.

И если в 1935 году популярность Бориса Пильняка ещё давала ему возможность помогать попавшим в беду друзьям, то через год он сам оказался в большой опале и никто уже не мог ему помочь.

Его перестали печатать. Ругать Пильняка стало не просто модным, а обязательным.

Ему припомнили всё: и независимый характер, и беспартийность, и дружеские отношения с писателями-эмигрантами, и изданную за границей повесть “Красное дерево”, и руководство разогнанным в 1929 году Всероссийским союзом писателей, и положительные отклики о нём Л. Троцкого, и материальную помощь сосланному в Тобольск “троцкисту” Карлу Радеку, и уклонение от участия в митингах по осуждению “банды двурушников Зиновьева-Пятакова-Бухарина”, и многие другие, страшные для того времени маниакальной подозрительности и наветов, грехи.

28 октября 1937 года в день трёхлетия младшего сына Бориса на даче в Переделкино Борис Андреевич был арестован.

На следствии, “признав” себя шпионом, врагом народа, троцкистом и террористом, Б. Пильняк, тем не менее, заявил: “Искусство живёт и развивается независимо от политики, господствует над нею и может даже её корректировать”.

Через месяц прямо на киностудии арестовали жену (в 1933 году он женился в третий раз) — грузинскую актрису Киру Георгиевну Андроникашвили (1909-1960). К тому времени окончившая ВГИК (режиссерскую мастерскую Сергея Эйзенштейна) актриса успела сняться в нескольких фильмах, в том числе в главных ролях в “Элисо” (1928) Николая Шенгелая и “Земля жаждет” (1930) Юлия Райзмана.

Кира Георгиевна была черноглазой красавицей, он “жадно тянулся к ней, восхищённо смотрел на неё, смуглую, статную...” (Н. Павлович) и об этой их любви написал в романе “Созревание плодов”.

После ареста её отправили в женский лагерь под Акмолинск в Казахстане. Всё имущество, включая библиотеку и архивы, было конфисковано и разграблено.

На следующий год репрессии выпали также на долю сестры Пильняка Н.А. Вогау и его бывшей жены О.С. Щербиновской.

Дальнейшая судьба Бориса Пильняка, как многих и многих других репрессированных, долго оставалась неизвестной. “Вы беспощадно истребляете талантливых, но лично Вам неугодных писателей. Где Михаил Кольцов, Борис Пильняк?” — спрашивал Сталина Фёдор Раскольников в широко известном теперь открытом письме из Парижа, начинавшегося с эпитафии: “Я правду о тебе порасскажу такую, что хуже всякой лжи...”.

Долгое время официально считалось, что Б. Пильняк умер в тюрьме 9 сентября 1941 года.

В 1938 году, будто предчувствуя непоправимое, Анна Ахматова написала стихотворение-реквием, посвящённое Борису Пильняку и включённое ею позже в цикл “Венок мёртвым”:

*Всё это разгадаешь ты один...  
Когда бессонный мрак вокруг клокочет,  
Тот солнечный, тот ландышевый клин  
Врывается во тьму декабрьской ночи.  
И по тропинке я к тебе иду,  
И ты смеёшься беззаботным смехом,  
Но хвойный лес и камыши в пруду  
Отвечают каким-то странным эхом...  
О, если этим мёртвого бужу,  
Прости меня, я не могу иначе:  
Я о тебе, как о своём, тужу  
И каждому завидую, кто плачет,*

*Кто может плакать в этот страшный час  
О тех, кто там лежит на дне оврага...  
Но выкипела, не дойдя до глаз,  
Глаза мои не освежила влага.*

5 мая 1988 года его сыну Борису Андроникашвили-Пильняку сообщили: “Пильняк-Вогау Борис Андреевич, 1894 года рождения, был необоснованно осуждён 21 апреля 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР по ложному обвинению в совершении государственных преступлений и приговорён к расстрелу. По уточнённым данным приговор приведён в исполнение 21 апреля 1938 года”.

Расстреляли писателя на подмосковном полигоне (специальном объекте) НКВД близ Старо-Калужского шоссе у совхоза “Коммунарка” в Ленинском районе.

По приговору того суда Б. Пильняк был признан виновным в том, что с 1924 года являлся активным участником антисоветской, троцкистской диверсионно-террористической организации, был связан с троцкистами К. Радеком, Л. Серебряковым, А. Воронским и другими, по заданию которых создал в среде писателей ряд антисоветских групп, а также являлся агентом японской разведки. Как и все известные теперь аналогичные дела, это обвинение сколь по сути убийственно стандартно, столь и нелепо фантастично.

Среди писателей, с которыми Пильняк, якобы, был связан по контрреволюционной работе, названы Артём Весёлый (Николай Кочкуров), Иван Катаев, Николай Зарудин, Глеб Алексеев, Борис Пастернак и Константин Федин (первые четверо, тоже репрессированные, были впоследствии посмертно реабилитированы, а Пастернака и Федина репрессии удивительным образом вообще миновали).

Сейчас стало многое известно о тех чудовищных методах, которыми палачи добывали признания своих жертв во всех мыслимых и немыслимых преступлениях, и о том, как вершился скорый на расправу суд.

28 ноября 1956 года Борис Андреевич Пильняк был посмертно полностью реабилитирован.

Однако имя писателя и его литературное наследие ещё долго по-прежнему замалчивались. Потому, наверно, что как сказано, например, в “Советском энциклопедическом словаре” 1984 года, он допускал “изображение, подчас натуралистичное, быта революционной эпохи при непонимании её ведущих тенденций”. Даже в восьмидесятых годах это был большой грех, а уж что говорить о годах тридцатых.

И несть числа им, так тогда и “не понявшим” ведущих (куда?) тенденций!

Борис Пильняк в 1929 году в предисловии к собранию сочинений писал: “И если через тридцать-сорок лет новое поколение прочтёт и задержит свои мысли на этих книгах, увидит и почувствует живую человеческую кровь живого человека в годы прекрасных российских гроз и половодий, улыбнётся моим бредням и оправдает мою романтику, романтику “блаженного”, посетившего мир “в его минуты роковые”, — я оправдаю мой труд”.

Прошло семьдесят пять лет. Опять половодья, опять грозы...  
Самое время перечитать Пильняка.



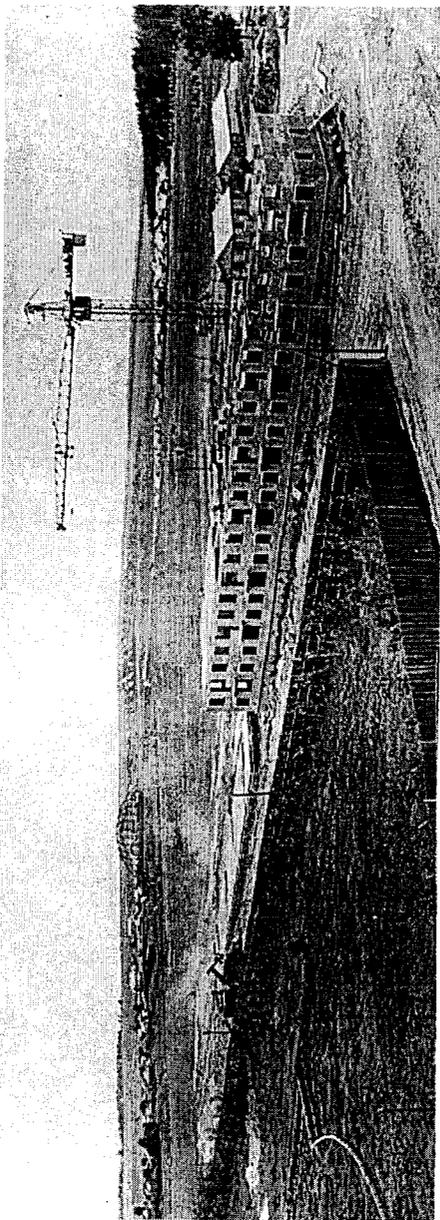
Б.А. Пильняк (одна из последних фотографий)



Карта Бронницкого и Коломенского уездов. 1913 г.



Пристанционный посёлок Воскресенск начала XX века:  
вокзальная площадь и пожарная часть



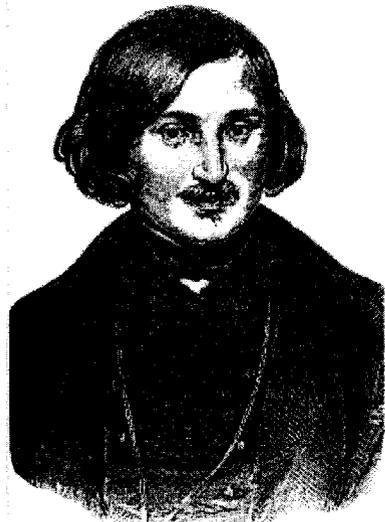
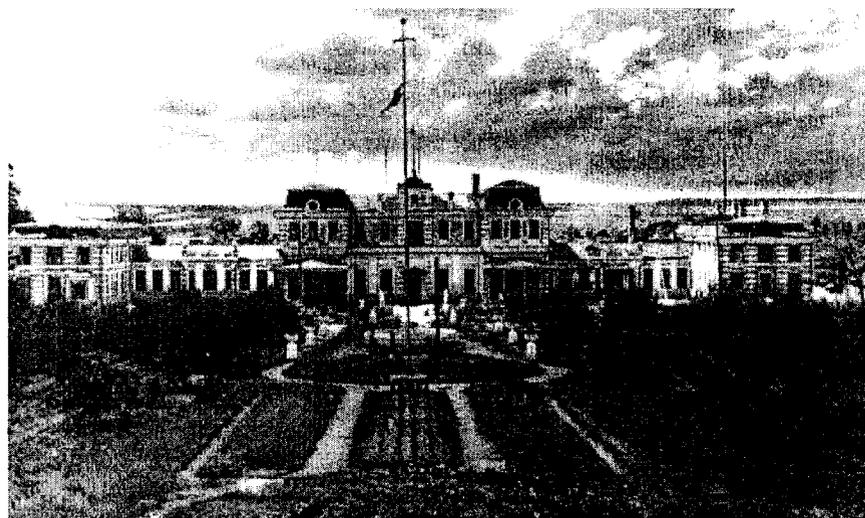
*Первые дома в Физкультурном переулке, а строительство  
воскресенских "Черемухи" ещё впереди... 1955 г.*

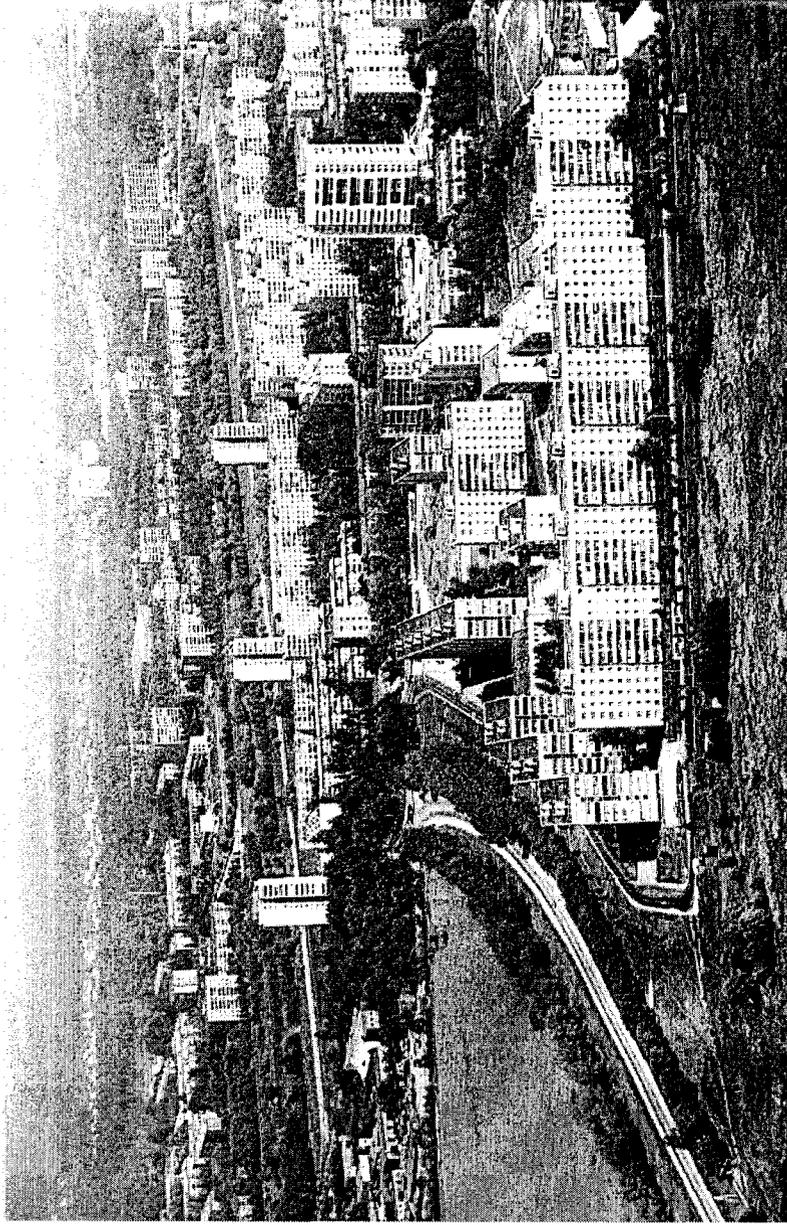


*Князь Д.М. Пожарский  
и его печать*

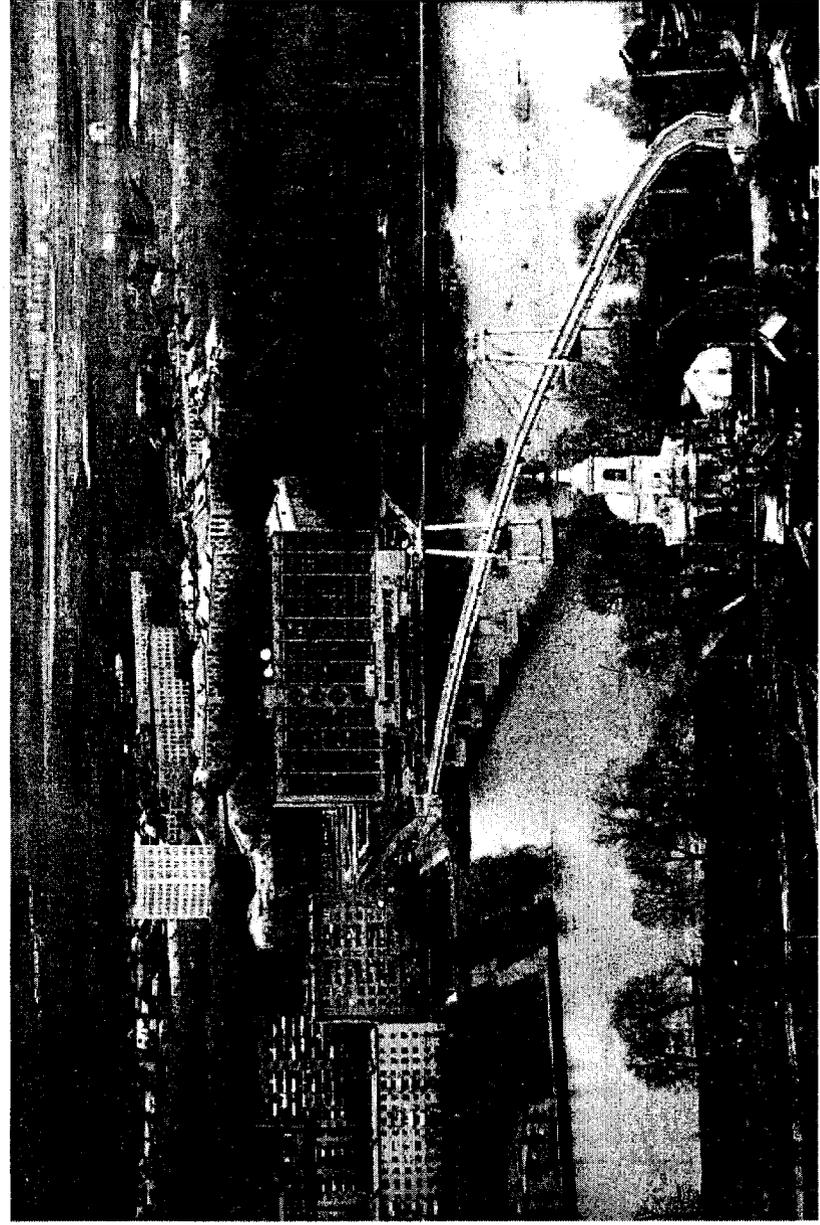


*Село Марзуги. Весна 2005 г.*

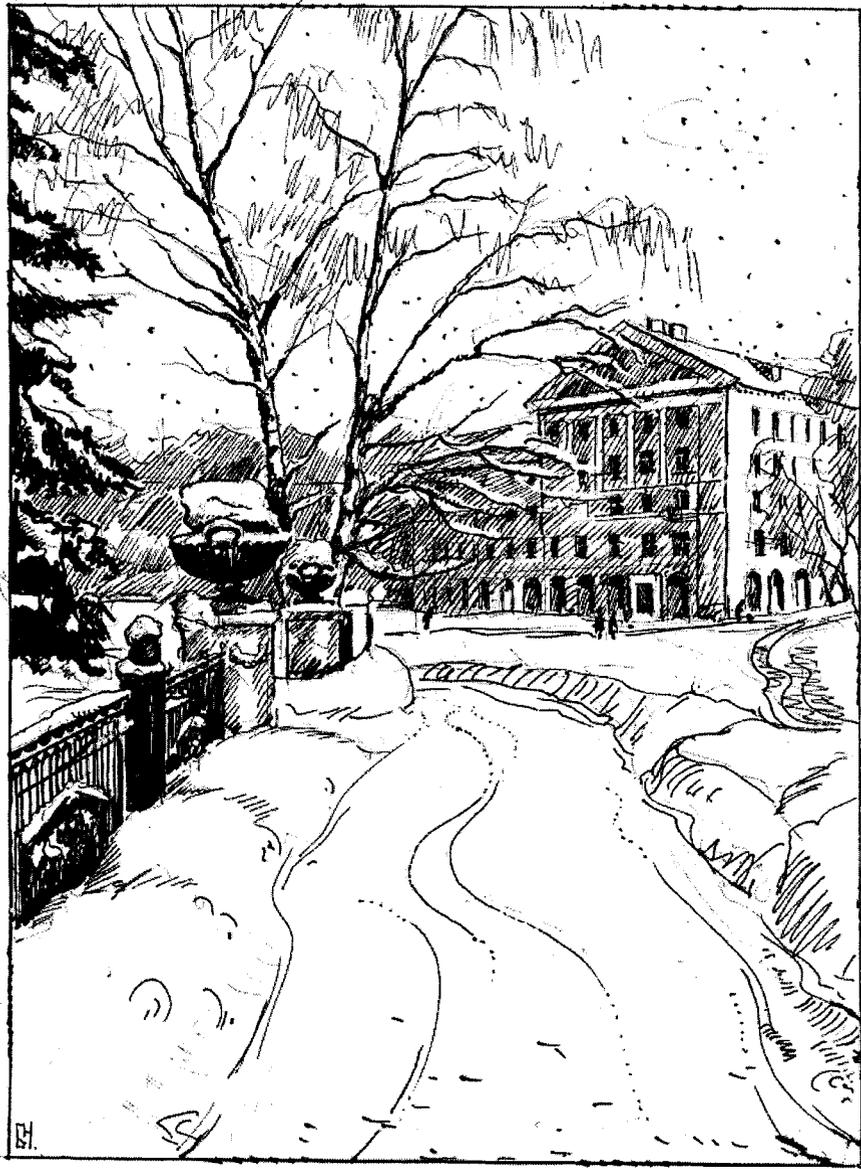
*А.О. Смирнова-Россет**Н.В. Гоголь**Усадьба Спасское. 1950-е гг.**И.А. Гофф**К.Я. Ващенко**Город Воскресенск, 1-й Лесной переулок. Весна 2005 г.*



*Панорама Воскресенска со стороны Новлянского квартала*



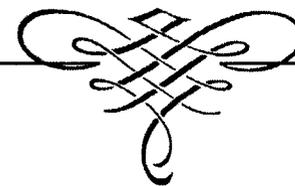
*Вид на пешеходный мост через Москву-реку. Весна 1998 г.*



---

## Город над Москвою-рекой

---



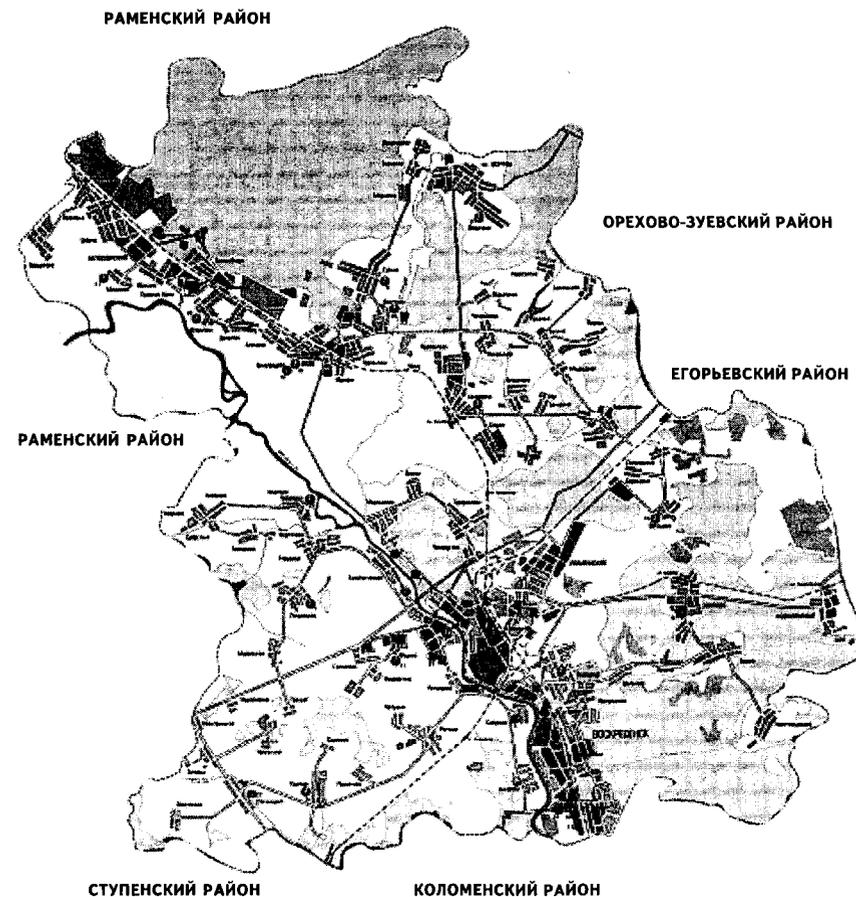


Схема Воскресенского района

*Здесь всё мне дорого и свято,  
Как всемогущий талисман:  
И плеск воды на перекатах,  
И эта роща, и курган.*

Вяч. Яненко

**ВОСКРЕСЕНСКИЙ** район Московской области расположен в 60-100 км к юго-востоку от Москвы и граничит на севере и западе с Раменским районом, на востоке — с Орехово-Зуевским и Егорьевским, на юге — с Коломенским, на юго-западе — со Ступинским районами.

Судьбы испокон веков живущих здесь людей неразделимы с судьбой Московии, и на их долю выпали невзгоды, печали, радости и победы, пережитые всем русским народом. Они сеяли хлеб, воевали с врагами, любили, растили детей. Они оставили нам в наследство свою стойкость, храбрость, терпение, доброту.

Московскому краю как относительно самостоятельному территориальному образованию — около 900 лет. Обжитый финно-угорскими, а затем славянскими племенами вятичей и кривичей, он к началу XII века насчитывал сотни поселений. Это был перекрёсток важных водных и сухопутных дорог, связывавший север и юг, запад и восток древнерусского мира. Центральное положение его в Русской земле спасало от внешних ударов, привлекало многочисленных переселенцев из порубежных княжеств.

В XIII веке Москва и окружающие её территории, находившиеся до того во владении ростово-суздальских князей и великого Владимирского княжества, выделяются в самостоятельный удел, который усилиями его князей, прежде всего Ивана Калиты (внука Александра Невского, сына Даниила Московского), был превращён в Великое княжество. После присоединения к Москве сначала ближних русских земель, а затем Казани, Астрахани, Сибири и Малороссии территория государства многократно возросла.

Однако долгое время Московский край не имел чётких административно-территориальных границ и системы управления.

В XVII веке вся Россия была поделена на уезды. На московских землях, отличавшихся относительно высокой плотностью населения, в то время существовали 12 уездов: Московский, Дмитровский, Клинский, Волоколамский, Можайский, Рузский, Звенигородский, Верейский, Серпуховский, Каширский, Зарайский и Коломенский.

**М**НОГОВЕКОВЫЕ родственные узы объединяют нынешние воскресенские земли с Коломной, первые упоминания о которой сохранили летописи 1177 года. История воскресенского края вплоть до начала XX века неразрывно связана с нсю — пограничной рязанской крепостью, форпостом Московского княжества, церковной столицей Подмосковья.

Подколоменские селения пережили многое: вражеские нашествия, междоусобицы, становление русской государственности и православия. Здесь собирали рати против иноземцев великие Московские князья и государи всяя Руси Дмитрий Донской, Иван III и Иван IV Грозный. Во многих воскресенских топонимах живёт память об этих исторических событиях: Семиславка, Пять Крестов, Ратчино, Ратмирово, Беркино, Аргуново, Марчуги, Сабурово...

**В**АЖНОЙ вехой в истории государства стал Указ Петра I, подписанный 18 декабря 1708 года, в соответствии с которым все земли Российской державы были поделены на восемь губерний: Московскую, Ингерманландскую (с 1710 года Санкт-Петербургскую), Архангельскую, Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Азовскую и Сибирскую.

Роспись городов Московской губернии Петром I была подписана 3 февраля 1709 года. Эта дата считается днём образования Московской губернии.

К Московской губернии отошли центральные земли с 39 городами — около 50 уездов. Наряду с собственно подмосковными землями губерния включала территории современных Владимирской, Ивановской, Рязанской, Тульской, почти всей Ярославской, частично Калужской и Костромской областей.

Управлять такой огромной территорией было сложно, поэтому по следующей реформе 1719 года появилась промежуточная территориальная единица — провинция. В Московской губернии образовалось 9 провинций. Подмосковные земли вошли в Московскую провинцию. В отличие от других провинций, где управляли воеводы, Московская находилась под непосредственным управлением губернатора.

5 октября 1781 года Екатерина II утвердила новые границы Московской губернии, территория которой была несколько меньше, чем современная Московская область. В неё входили 15 уездов (потом их стало 17), разделённые впоследствии на 193 волости. Нынешние воскресенские земли были в составе Бронницкого и Коломенского уездов, а вот соседний Егорьевский уезд тогда входил в состав Рязанской губернии.

Просуществовала губерния до 1 октября 1929 года, когда согласно постановлению Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета (ВЦИК) от 14 января 1929 года вместо неё была образована Московская область. До 1931 года в состав области входил и город Москва.

Формирование области происходило одновременно с упразднением уездно-волостного деления и созданием новых административно-территориальных единиц — районов. Всего было создано 144 района, объединённых в 10 округов — Московский, Коломенский, Орехово-Зуевский, Серпуховский, Тульский, Тверской, Рязанский, Бежецкий, Калужский и Кимрский.

**Б**ЛАГОДАРЯ реформе 1929 года воскресенские земли и получили впервые свою административно-территориальную самостоятельность.

Районирование области происходило с учётом экономического значения и промышленно-аграрного потенциала территорий. По этому принципу были созданы Виноградовский и Воскресенский районы, слияние которых в единый Воскресенский район произошло 1 января 1958 года.

В Воскресенский район вошли Колыберевская волость, части

Мячковской и Непецинской волостей Коломенского уезда, а также Спасская, Чаплыгинская волости и часть Усмерской волости Бронницкого уезда.

Виноградовский район составили Ашитковская волость и часть Усмерской волости Бронницкого уезда.

**ТАКОЕ** образование самостоятельных районов было вполне закономерно. В хозяйственном плане эти места уже мало зависели от своих уездных “столиц” — Коломны и Бронниц, имея центрами тяготения ближайшие транспортные узлы — железнодорожные станции Воскресенск и Ашитково (переименованная в 1929 году в Виноградово).

Близ станции Воскресенск, деревень Кривякино и Неверово к этому времени начиналось строительство крупного химического комбината, рядом с деревнями Колыберево, Суворово и Псарёво (Павлово) работали цементный завод и шиферное производство, в Федотове, Лопатине, Садках (Хорлово) и Барановском было развито текстильное производство.

Станция Ашитково (Виноградово) тоже являлась важным транспортным узлом для ткацких и других промышленных артелей Ашиткова, Губина, Ванилова, Алёшина, Золотова, да и уголья московорецкой поймы благоприятствовали развитию сельскохозяйственного производства.

Во вновь образуемых районах Московской области в августе 1929 года прошли съезды, на которых провозглашались границы и создавались местные органы власти. В Воскресенске такой съезд скорее всего состоялся 18 августа.

Границы Воскресенского района (с учётом присоединения Виноградовского района) до сих пор остались почти неизменными. Пожалуй, единственным крупным “приобретением” стал переданный в 1962 году из Егорьевского района посёлок Фосфоритный. Правда, в начале 60-х годов прошлого столетия, во время эксперимента по разделению органов власти на сельские и промышленные, сельские населённые пункты недолго подчинялись Люберцам.

**ЖИЗНЕННЫЙ** уклад Воскресенского района заметно отличается от соседних Коломны и Егорьевска, где годами устанавливались традиции крестьянские, рабочие, купеческие, мещанские, духовные, а приезжие люди сравнительно легко подвергались процессу ассимиляции.

А вот на образ жизни воскресенцев огромное влияние оказали годы индустриализации 1920-1930-х годов, когда в Воскресенск на строительство химического комбината приехало много рабочих и специалистов из Поволжья, Нечерноземья и других регионов и республик СССР, когда собственно и сложился город.

Немало девчат со всей страны пополнили ряды работниц текстильных предприятий Хорлова, Барановского, Ванилова (пос. им. Цюрупы), Золотова.

Новая волна миграции пришлась на 1960-1980-е годы в бытность Всесоюзных ударных комсомольскихстроек новых производств Воскресенского химкомбината и Подмосковского горно-химического завода, а также развития предприятий Фаустовской промплощадки.

Численность Воскресенска выросла в десятки раз. Люди сюда приехали самые разные: романтики первых пятилеток и молодые выпускники рабфаков; просто подавшиеся за заработками и те, кто не смог по какой-то причине реализовать себя в родной стороне; бежавшие от раскулачивания или от житейской безысходности.

Они принесли с собой свои представления о социальной справедливости и пролетарское неприятие “торгашества”, они не были обременены личным подсобным хозяйством и имели вакуум свободного времени после тяжёлой рабочей смены, они писали жизнь заново, отринув своё, неизвестное окружающим прошлое. И землячество здесь поначалу определялось не как воскресенское, а как тамбовское, казанское, брянское, украинское...

Такой сплав “пассионарных” личностей, представителей различных регионов, наций, культур и вероисповеданий, наконец, характеров не мог не отразиться на коренных жителях нашего края, на всём укладе жизни воскресенцев.

За три четверти века в этом “котле” варились новые традиции, рождалась своя, далёкая от патриархальности культура.

Обретя новую малую родину, пустив здесь корни, новые поколения воскресенцев не сразу, но постепенно начали приобщаться к истории края уже как своего родного, стали преемниками всего наследия богатой, порой уходящей далеко в глубь веков истории поселений района. А у каждого села, каждой деревни, каждого посёлка она своя, интересная и неповторимая.

**НАЗВАНИЯ** здешних селений встречаются в духовном завещании великого Московского князя Ивана I Калиты уже в 1339 году. Многовековые корни прослеживаются у Городищ, Вертячева, Субботина, Чаплыгина, Ачкасова, Губина, Карпова, Степанщина, Маришкина, Левычина, Богатищева, Леонова, Силина, Медведева, Расловлева, Кривякина, Кольберева, Ильина, Юрасова и других селений.

Село Воскресенское, давшее в 1862 году имя станции Московско-Рязанской железной дороги, а затем и городу, упоминается на страницах исторических документов уже с 1577 года.

Но многие архивные документы по истории нашего края ещё только ждут своих пытливых исследователей.

Из сохранившихся на территории района памятников архитектуры самыми почтенными по возрасту являются Зосимо-Савватиевская и Троицкая церкви Краснохолмской Ново-Соловецкой Марчуговской пустыни в селе Фаустове (1670-1698 г.), Троицкая церковь в селе Конобееве (1702 г.), Иоанно-Златоустовская церковь в Новлянском (1761 г.), Владимирская церковь в селе Осташове (1763 г.), Крестовоздвиженская церковь в селе Марчуги (1768 г.), Казанская церковь в селе Петровском (1774 г.), Покровская церковь в бывшем селе Губине (1778 г.), Успенская церковь в селе Константинове (1797 г.).

**ДОБРЫЙ** след на земле воскресенской оставили многие выдающиеся люди государства Российского. В селе Марчуги, в вотчине своих родителей, по преданию, провёл детские годы народный герой князь Дмитрий Пожарский, возглавивший с нижего-

родцем Кузьмой Мининым земское ополчение, освободившее в 1612 году Москву от польских интервентов.

С усадьбой Красное сельцо (Кривякино), построенной в 1770-1780-х годах и расположенной ныне в центре города, связано имя известного русского писателя-романиста, автора “Ледяного дома”, “Последнего Новика” и “Басурмана” Ивана Лажечникова. Здесь прошли его детство и юность. Отсюда в 1812 году он ушёл на Отечественную войну с французской армией Наполеона Бонапарта, показав себя храбрым воином. Сюда к брату он приезжал и в конце жизни.

В усадьбе Спасское, построенной во второй половине XVIII века, летом 1851 года в гостях у блистательной фрейлины императорского двора Александры Смирновой-Россет, которой посвящали стихи Александр Пушкин и Михаил Лермонтов, работал над некоторыми главами романа “Мёртвые души” Николай Гоголь.

С деревней Кривякино связано появление в 1915 году первых значительных произведений знаменитого в 1920-1930-х годах писателя Бориса Пильняка.

На полпути между усадьбами Кривякино и Спасское в Воскресенске в 1-м Лесном переулке, в доме № 4 с 1952 года почти три десятка лет прожили писатели Константин Ваншенкин и Инна Гофф, написавшие здесь стихи, ставшие широко известными песнями: “Я люблю тебя, жизнь”, “Алёша”, “Вальс расставанья”, “За окошком свету мало” (К. Ваншенкин), “Русское поле”, “Август”, “И меня пожалей”, “Когда разлюбишь ты” (И. Гофф).

Оставили о себе память в Воскресенске актёр Василий Качалов, критик и историк театра Николай Эфрос, художник Константин Коровин, композитор и скрипач Юлий Конюс, дирижёр и пианист Михаил Плетнёв.

**Н**ЕМАЛО героических страниц вписали воскресенцы в историю страны, её индустриализацию, развитие промышленного, научного, творческого, оборонного потенциала.

29 тысяч воскресенцев встали на защиту родной страны в Великую Отечественную войну. Около 10 тысяч из них не вернулись домой с полей сражений.

Воскресенск в 1941-1942 годах был прифронтовым городом и подвергался бомбардировкам. Вдоль левого берега Москвы-реки возводились оборонительные сооружения. Предприятия района производили военную продукцию.

Ратный труд многих тысяч воскресенцев отмечен боевыми наградами.

Девять жителей района – Никита Степанович Дёмин, Александр Андреевич Дивочкин, Виктор Ефимович Карпов, Иван Александрович Киселёв, Константин Петрович Комардинкин, Александр Петрович Моисеев, Николай Алексеевич Мусатов, Георгий Семёнович Петровский, Павел Васильевич Стрельцов – за свои ратные подвиги в годы Великой Отечественной войны получили высокое звание Героев Советского Союза. Полным кавалером ордена Славы вернулся с фронта Семён Иванович Илютович.

**ВОСКРЕСЕНСК** всегда был городом-тружеником и известен своим мощным промышленно-аграрным потенциалом.

Его земли находятся на стыке Мещерской низменности (москворецкое левобережье) и Москворецко-Окской равнины (правобережье Москвы-реки).

Недра богаты запасами карбонатных пород для производства цемента и известняковой муки, фосфоритового сырья для производства удобрений, песков для строительных целей и изготовления стекла, глин для производства кирпича.

Основные отрасли промышленности: химическая, строительных материалов, текстильная, лёгкая, перерабатывающая, машиностроение. На научных полигонах в Воскресенском районе испытывались двигатели ориентации и маршевые двигатели многих военных и мирных космических аппаратов.

Основу сельскохозяйственного производства и перерабатывающей промышленности составляют молочное животноводство, мясное птицеводство, овощи, картофель, зерно.

Воскресенский район имеет развитую социальную и инженерно-транспортную инфраструктуру, обслуживается тремя видами транспорта: железнодорожным, автомобильным и водным.

Через район проходят федеральное шоссе “Урал”, соединяющее Москву с южными и юго-восточными регионами страны, и подмосковная кольцевая автодорога (третье бетонное кольцо).

Электропоезда имеют на территории района 18 остановочных пунктов, в том числе шесть – в черте города Воскресенска (“Пл. 88 км”, “Воскресенск”, “Шиферная”, “Москворецкая”, “Цемгигант”, “Лопатино”).

В районе работают мощные специализированные строительномонтажные организации, предприятия автомобильного и железнодорожного транспорта, научно-исследовательские институты.

Далеко за рубежами не только Московского региона, но и страны известны многие промышленные предприятия Воскресенского района.

Высоких государственных наград удостоены трудовые коллективы объединения “Минудобрения” (орден Ленина и орден Октябрьской революции), комбината асбестоцементных изделий “Красный строитель”, цементного завода “Гигант”, треста “Мособлстрой № 5” (орден Трудового Красного Знамени), фетровой фабрики (орден “Знак Почёта”). В 1968 году за большой вклад молодёжи Воскресенска в развитие промышленного строительства орденом Трудового Красного Знамени была награждена городская комсомольская организация.

Звания Героя Социалистического Труда удостоены Евгения Александровна Агафонова, Алексей Иванович Антропов, Степан Никифорович Владимиров, Николай Иванович Докторов, Иван Родионович Ионенко, Василий Фёдорович Люкшин, Владимир Семёнович Митин, Мария Яковлевна Новикова, Александр Егорович Петров, Тимофей Алексеевич Фомин, Николай Фёдорович Хрипунов.

Воскресенцы высоко ценят вклад, который внесли в строительство и социально-экономическое развитие города его почётные граждане Владимир Вильгельмович Андрес, Иван Никитич Галинач, Николай Иванович Докторов, Валентин Павлович Звонов, Николай Игнатьевич Куденков, Игорь Николаевич Ларионов, Николай Иванович Макаров, Тамара Петровна Матвиенко, Владимир Семёнович

Митин, Василий Александрович Муравьёв, Николай Захарович Никифоров, Мария Яковлевна Новикова, Александр Егорович Петров, Анна Алексеевна Суслина, Леонид Александрович Титов, Виктор Семёнович Фузеев, Николай Фёдорович Хрипунов, Мария Васильевна Штыркова, Николай Семёнович Эпштейн.

**А**ДМИНИСТРАТИВНЫЙ, деловой и культурный центр района — город Воскресенск. Статус города он получил 11 июля 1938 года.

Город Воскресенск имеет сложную планировочную структуру, состоящую из семи обособленных жилых образований, разделённых промышленно-складскими зонами, транспортными трубопроводами и притоками Москвы-реки. Общая протяжённость города с севера на юг вдоль железнодорожной магистрали Москва-Рязань и Москвы-реки составляет 16 км, его население — 92 тысячи человек.

Кроме города Воскресенска в состав муниципального образования «Воскресенский район» входят 3 посёлка городского типа: Белоозёрский, Хорлово, имени Цюрупы, а также 78 сельских населённых пунктов. Площадь Воскресенского района составляет 810 кв. км. Линейная протяжённость с севера на юг — 38 км, с запада на восток — 36 км. Общая численность населения города и района — 153 тысячи человек.

**М**ИРОВУЮ славу городу принесли спортивные достижения воскресенцев.

Хоккейная команда «Химик» (основана в 1953 году) — серебряный (1989 г.) и бронзовый (1965, 1970, 1984, 1990 гг.) призёр чемпионатов страны — воспитала немало чемпионов Олимпийский игр, мира и Европы, обладателей высшего приза НХЛ — Кубка Стэнли. Любителям хоккея с шайбой хорошо известны имена заслуженных тренеров СССР Николая Эпштейна и Владимира Васильева, заслуженных мастеров спорта Александра Рагулина, Юрия Морозова, Валерия Никитина, Юрия Ляпкина, Юрия Чичурина, Александра и Владимира Голиковых, Игоря Ларионова, Валерия

Каменского, Валерия Зелепукина, Вячеслава Козлова, Александра Черных, Александра Ломакина, Германа Титова, Александра Смирнова, Дмитрия Квартальнова и многих других воспитанников воскресенской школы хоккея.

Воскресенский фехтовальщик Александр Бекетов стал первым российским чемпионом Олимпийских игр 1996 года в Атланта. А начал отсчёт золотым олимпийским наградам воскресенцев ещё на Играх 1956 года в Мельбурне заслуженный мастер спорта по классической борьбе, заслуженный тренер СССР Анатолий Парфёнов.

В районе успешно работают детско-юношеские спортивные школы по хоккею, лёгкой атлетике, фехтованию, плаванию, босвым искусствам. Есть стадионы, спортивные залы и площадки, ледовый Дворец спорта «Подмосковье», Дворец водного спорта «Дельфин», в которых проводятся всероссийские и международные соревнования.

Система образования включает различные виды образовательных учреждений — школы, гимназии и лицеи, учебные заведения высшего и среднего профессионального образования. Жители района пользуются услугами квалифицированной медицинской и социальной помощи.

Для занятий художественным творчеством воскресенцы располагают дворцами и домами культуры, пятью музыкальными школами, двумя школами искусств, литературным объединением «Радуга», кружками и студиями самодеятельного творчества, концертно-выставочным залом, библиотеками. Успехов добиваются талантливые посланцы Воскресенска на международных, всероссийских и региональных конкурсах и фестивалях.

**Ж**ИВОПИСНЫЕ леса, озёра, река Москва и её притоки Нерская, Отра, Медведка, Семиславка привлекают жителей района для отдыха.

На территории Воскресенского района располагаются особо охраняемые заповедники: Москворецкий пойменный заказник, памятники природы «Сосновые леса на песчаных дюнах», «Хлопковская колония серых цапель», «Москворецкие дубравы»,

здесь можно встретить такие редкие виды растений, как ирис сибирский и кувшинка белая.

Ландшафтные рекреационные территории выражены также парками и скверами, детскими оздоровительными лагерями, базами отдыха и санаториями-профилакториями.

Воскресенск – ещё очень молодой город. Но у него есть своё лицо, свой характер, свои традиции, прочным стержнем связывающие устремления в будущее с “преданиями старины глубокой”.



### ...И остаётся с нами Слово

**О**БЩЕИЗВЕСТНО, что по выходу в свет книги Н.М. Карамзина “История государства Российского” А.С. Пушкин так передал впечатления 1818 года: “Все, даже светские дамы, бросились читать “Историю...””.

Хотелось бы предположить, что пусть не все жители, уж не говоря о светских дамах, увидев книгу Виктора Лысенкова “Адрес мой: ст. Воскресенск...” тут же немедленно позабыв о своих делах, бросятся её читать. Время не то, да и люди не те. Но, листая страницы этого достойного труда, пусть каждый из нас хотя бы отметит в сознании своём, что речь-то в книге идёт о не придуманном виртуальном мире, но о нашей родной земле, о её необозримом прошлом, о блистательном представителе творческой элиты 20-го века – писателе Борисе Андреевиче Пильняке, о его кривякинском периоде творчества. И не только о нём.

В краеведческих исследованиях о художественной и эстетической культуре города и района книга Виктора Лысенкова является первой знаменательной вестью о том, что, несмотря на сравнительную молодость Воскресенска, на его многообразный национальный и этнический состав, мы наконец-то начали осознавать величие своей малой родины и своё предназначение как творцов, закладывающих очередную строку в здание необъятного храма нашей истории.

Виктор Иванович Лысенков всем своим существом – нашенский. Он родился в деревне Губино Воскресенского района. Имея высшее техническое и гуманитарное образование, он достаточно успешно воплощает свои знания в любой области народного хозяйства. Но как творец, как патриот, беззаветно любящий отчужую землю, как прекрасно владеющий словом, он не может пройти мимо больших и малых судеб родного края. Любая его работа – это чрезвычайно тщательно изученный материал, обрамлённый в тот свободный русский слог, который как данное легко и чисто ложится на сердце и душу.

Знаток творчества Бориса Пильняка, автор сознательно не делает анализа произведений классика русской литературы, а лишь ограничивается его биографическими рамками по той, видимо, причине, чтобы как можно ярче суметь донести до читателя его житейско-бытовой образ, погружая нас в кривякинский срез предреволюционных будней.

Проявив исключительно высокую творческую грамотность, не допуская в тексты “околовсяческих” тем, не позволяя себе права на художественный вымысел относительно тех фактов, которые, в общем-то, известны, Виктор Лысенков тем не менее выпукло и масштабно коснулся литературного наследия воскресенской земли, неукоснительно помня, что при смене любых формаций и правителей остаётся в истории не свистопляска всеядных жанров псевдокультуры, но Слово. И те люди, которые владели Им.

Понимая, что это лишь первая ласточка столь заметного обозрения жизни и творчества Бориса Пильняка, мы оставляем за собой право надежды на появление новых изысканий и работ, прямым образом влияющих на обогащение данной темы и сотворение душевной ауры города.

*Леонид ДУДИН, член Международного  
сообщества писательских Союзов,  
лауреат премии им. М.Ю. Лермонтова.*

## Литература:

- Андроникашвили-Пильняк Б.Б.* Метеор? Прометей? К. Чуковский и Б. Пильняк. // "Литературное обозрение", 1999, № 3. С 66-74.
- Андроникашвили-Пильняк Б.Б.* О моём отце. // Пильняк Б. Повесть непогашенной луны: Сборник. – М.: Книжная палата, 1989. С 3-25.
- Андроникашвили-Пильняк К.Б.* Борис Пильняк. Житие "на Посадях". // "Наше наследие" № 69/2004. С. 78-84.
- Антология русского советского рассказа / Составитель Ю. Нагибин. // "Книжное обозрение". 1988, 26 февраля.
- Ахматова А.А.* Собрание сочинений в 2 т. Т. 1. – М.: Правда, 1990. С. 249, 250.
- Борис Пильняк: опыт сегодняшнего прочтения. (По материалам научной конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения писателя). ИМЛИ им. М. Горького РАН. – М.: Наследие, 1995.
- Ванюков А.И.* Русские повести трудной судьбы: 1920-е годы. // Трудные повести. – М.: Молодая гвардия, 1990. С. 11-13.
- Вечеровская О.* "Литературная физиономия" Коломны. // "Ять" (Коломна). 2002, 3 октября.
- Волгогонов Д.А.* Триумф и трагедия / Политический портрет И.В. Сталина. – В 2-х книгах. – М.: Издательство АПН, 1989.
- Воронский А.* Литературные силуэты. Борис Пильняк. – <http://www.magister.msk.ru>.
- Воскресенск. 1938-1998. – Коломна: Тираж, 1998.
- Воскресенские усадьбы. Усадьба Кривякино. // "Наше слово" (Воскресенск). 2000, 22 июля.
- Воскресенские усадьбы. Усадьба Спасское. // "Наше слово" (Воскресенск). 2000, 13 июля.
- Воскресенский район. Схема. – Коломна: Тираж, 1998.
- Гибшман Е.А.* Борис Пильняк. Страницы жизни. // "Куйбышевец" (Воскресенск). 2004, 4 ноября.
- Гофф И.А., Ваншенкин К.Я.* Летом в Воскресенске. – М.: Подмосковье, 1999.
- Денисов А.* Из реального комментария к очерку Б.А. Пильняка "На родине Лажечникова". // "Архивариус". Прил. к газете "Грань", № 1/1992. С. 7-10.

- Есенин С.А.* Собрание сочинений в 3 т. Т. 3. – М.: Правда, 1983. С. 173, 174, 232, 312, 314.
- Жизнь Есенина. Рассказывают современники. – М.: Правда, 1988. С. 487, 495, 501, 531-534, 562.
- Клировая ведомость Иоанно-Златоустовской церкви, села Новлянского, Бронницкого уезда, 5-го Благочиннического Округа, Московской епархии за 1913-й год. Коломенский район. Схема. – Коломна: Тираж, 1998.
- Лажечников И.И.* Собрание сочинений в 6 томах. Том 2. – М.: Можайск – Терра, 1994. С. 125, 126.
- Ливен А.А.* Лирика. – М.: Радикс, 1997. С. 5.
- Лысенков В.И.* Борис Пильняк: "Адрес мой с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск...". // "Наше слово" (Воскресенск). 2003, 5 апреля.
- Лысенков В.И.* Борис Пильняк: "Адрес мой с 1-го апреля таков: ст. Воскресенск...". // "Воскресенск – моя родина светлая...": Литературный альманах. Вып. 2. – М. Интеллект-Центр, 2003. С. 126-137.
- Лысенков В.И.* Воскресенск и Воскресенский район. // Воскресенск и Воскресенский район. – Тверь: Фактор, 2000. С. 4-7.
- Лысенков В.И.* "...Мой постоянный адрес – Кривякинский". // "Наше слово" (Воскресенск). 2004, 12 октября.
- Лысенков В.И.* Московия: корни из глубины веков. // "Наше слово" (Воскресенск). 1998, 23 сентября.
- Лысенков В.И.* Самый яркий писатель 20-х годов. // "Наше слово" (Воскресенск). 2003, 11 октября.
- Лысенков В.И.* Юбилейный год воскресенцев. // "Наше слово" (Воскресенск). 2004, 9 сентября.
- Лысенков В.И.* Юбилей села и города. // "Наше слово" (Воскресенск). 1997, 30 января.
- Махатаев М.Е.* Воскресенск и воскресенцы. – М.: Подмосковье, 1998.
- Мейланд В.* Время и безвременье Александра Савинова. // "Наше наследие" № 70/2004. С. 124-135.
- "Нас с тобой чёрт ниточкой связал". Письма Б. Пильняка Е. Замятину (вступительная статья, публикация и комментарии К. Андроникашвили-Пильняка). // "Наше наследие" № 69/2004. С. 89-102.
- Новиков В.В.* Творческий путь Бориса Пильняка. // Пильняк Б.А. Целая жизнь: Избранная проза. – Минск: Мастацкая літаратура, 1988. С 3-26.
- Павлович Н.А.* Невод памяти. // "Человек" № 1/1997. С. 157-162.
- Пастернак Б.Л.* Собрание сочинений в 5 т. Т. 1. Стихотворения и поэмы 1912-1931. – М.: Художественная литература, 1989. С. 226, 682, 683.

Петросов К.Г. Литературные Старки (Поэты “черкизовского круга” и Анна Ахматова) // “Новое в жизни, науке и технике”. Серия “Литература”, № 5/1991. — М.: Знание, 1991.

Пильняк Б.А. Мне выпала горькая слава... Письма 1915-1937. — М.: Аграф, 2002.

Пильняк Б.А. Сочинения в 3-х т. — М.: Лада М, 1994.

Пильняковский вечер в Кривякине. // “Наше слово” (Воскресенск). 2004, 7 октября.

Писарев В. [Лысенков В.И.]. И вновь о названиях... // “Коммунист” (Воскресенск). 1989, 12 сентября.

Родионов И.П. С газетой по жизни. — Воскресенск: Лира, 2003. С. 140.

Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1984. С. 999.

Усадьба Кривякино / Эскизный проект реставрации. Историческая справка и библиографические исследования. — М.: ГУП МОИАКЦ, 2002.

Федин К.А. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — М.: Советский писатель, 1977. С. 226, 228.

Черепанов И.М. Историческая память. // Исторические сюжеты на юбилейную тему. — М.: Современные тетради, 1999. С. 9-14.

Шайтанов И.О. Метафоры Бориса Пильняка, или История в лунном свете. // Пильняк Б.А. Повести и рассказы. 1915-1929. — М.: Современник, 1991. С.5-36.

Шервинский С.В. Стихотворения. Воспоминания. — Томск: Водолей, 1997.

Яценков В.К. Благословение. — М.: РИО Мособлупролиграфиздата, 1999. С. 71.

## Оглавление

	стр.
От автора . . . . .	3
<b>Борис Пильняк в Кривякине . . . . .</b>	<b>7</b>
“Изумительно талантливый писатель” . . . . .	9
Уездная Коломна . . . . .	12
Рождение Писателя . . . . .	15
Под песни деревенских девчат . . . . .	27
“В Кривякине — слишком много писал...” . . . . .	29
“Кажется люблю...” . . . . .	31
“Теперь я Бор. Пильняк...” . . . . .	37
На родине Лажечникова . . . . .	38
“В Кривякино, в усадьбу...” . . . . .	41
Дружба с Есениным . . . . .	42
“Мы живём на вулкане...” . . . . .	55
“Был очень мил...” . . . . .	60
“Воля не видеть” . . . . .	62
Анна Ахматова . . . . .	66
“Горькая слава...” . . . . .	68
<b>Город над Москвою-рекой . . . . .</b>	<b>83</b>
<b>...И остаётся с нами Слово . . . . .</b>	<b>98</b>
<b>Литература . . . . .</b>	<b>100</b>

**Виктор Иванович ЛЫСЕНКОВ**

“Адрес мой: ст. Воскресенск...”.

Борис Пильняк в Кривякине.

Редактор: Л.А. Дудин

Технический редактор: Л.Н. Шматко

Компьютерная вёрстка: А.А. Белёнова

Компьютерный набор: Е.В. Лысенкова

ГУМО “Информационное агентство Воскресенского района  
Московской области”.

140200, г. Воскресенск Московской области, ул. Победы, 16.

Подписано в печать 26.04.2005 г. Печать офсетная. Бумага офсетная № 1.

Гарнитура Bodoni. Объём 6,5 п.л. Формат 60х84/16.

Тираж 1200 экз. Заказ 1410

---

Отпечатано в ГУП МО «Воскресенская типография»  
140200, г. Воскресенск Московской области, ул. Вокзальная, д. 30